

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

ГРАФИИНА

ФОН

МАЛЕН

Пусть
инквизитора

Путь инквизитора

Борис Конофальский
Графиня фон Мален

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Графиня фон Мален / Б. Конофальский — «Издательство АСТ»,
2024 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-159232-5

Война продолжается. Армия мужиков наносит внезапные страшные удары, и Волков абсолютно уверен: это неспроста, враг использует колдовство. И в тот час, когда предают свои, а генерал бежит, бросив войско на произвол судьбы, на помощь кавалеру приходят женщины. Одна готова помериться силами с опасной ведьмой, выступающей на стороне противника, другая хранит его дом и обеспечивает надежный тыл, третья вынашивает наследника, четвертая блюдет его интересы при герцогском дворе. Плохо лишь одно: каждая из помощниц Волкова терпеть не может остальных. Ох, не зря говорят: семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь. Женская война может грозить такими бедами, что мужчинам и не снилось.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159232-5

© Конофальский Б., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Борис Конофальский Графиня фон Мален

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Конофальский Б., 2024

© ООО «Издательство «АСТ», 2024

* * *

Цить
инквизитора

Глава 1

Волков со своим отрядом вышел следом за кавалерийским разъездом, который поехал сторожить дорогу на востоке. Старались идти тихо, много фонарей не использовали. Так и добрались до того леса, в котором погибла третья рота. Только тут зажгли больше фонарей и вошли в чащу. Не первый раз кавалер чувствовал этот запах – тяжелый, едкий, какой бывает от обилия пролитой крови. Что ни шаг, то мертвец. Все засеяно мертвыми людьми. Каждого мертвого переворачивали, смотрели, вдруг это капитан. Волков и сам не брезговал, заглядывал в серые лица своих мертвых людей. Вот доспехи хорошие, комплекция подходящая, обувь не разглядеть. Кавалер склонился над мертвым солдатом, приподнял его голову.

– Светите, – сказал он Максимилиану, который носил за командиром фонарь.

Разглядеть трудно: лицо разрублено и залито засохшей черной кровью, – но из-за свалившегося шлема видны волосы. Нет, это не храбрец Бертье. Кавалер отправился дальше. И слышит:

– Господин, господин, тут живой!

Это везение. Мужичье раненых не оставляет. Он поспешил к двум солдатам, что с фонарем склонились над человеком, у которого пробита кираса и изрублены руки.

– Живой? – спросил Волков, присаживаясь рядом и заглядывая в глаза раненого.

– Бог миловал, господин, – тихо отвечал раненый.

Кавалер повернулся к одному из солдат.

– Беги в лагерь к капитану Рене, пусть даст телегу.

Солдат ушел, а кавалер обратился к раненому:

– Ты не видал, что случилось с вашим капитаном?

– Нет, господин, – не без труда, с паузами отвечал раненый, – я в середине колонны шел... а господин капитан в голове ехал... Он всегда в голове колонны был.

– А откуда кавалеры появились?

– Спереди наехали, господин, – просипел раненый. – Шибко наехали... Чуть не треть колонны смяли.

– Да как же так-то? – с заметным удивлением поинтересовался Волков. – Как же вы не увидели сорок рыцарей? Они, поди, в перьях все, со знаменами.

– Я и сам не знаю, господин, – с трудом переводя дыхание, рассказывал раненый, – как из-под земли выросли.

– А дальше что было?

– А дальше? Дальше пехота мужицкая пошла... Уже построенная, они-то нас в лес и загнали.

– Что? И пехоту вы не видели? Ее-то как можно было не заметить, их же сотни три-четыре?

– Говорю же, господин, они... Сам не знаю, я никого не видел, и вдруг идут... Может, глаза нам чем застило... Уж не знаю.

Волков встал, вокруг него собралось не меньше полудюжины солдат. Ему не понравилось, что они слушали разговор; если среди солдат еще и разговоры всякие пойдут – жди беды. Он одернул строго:

– Ну, что встали? Ищите капитана, ищите еще раненых. – И сам стал искать других живых.

Вскоре прибежал стрелок.

– Господин, еще один живой. Сержант.

– Где он?

– Там. – Мушкетер махнул рукой в направлении востока.

– Дождитесь телегу и продолжайте поиски, раненого пока несите к дороге, – приказал он трем солдатам, а сам пошел вслед за мушкетером.

Сержант лежал почти у дороги, у того места, где на колонну обрушились удары противника. Бедолаге порубили ноги, ударили по голове так, что треснул шлем и на лицо хлынула кровь, и решили, что с него довольно. Но крепкий человек выжил.

– Лампу! – велел Волков. – Лампу сюда.

Того небольшого фонаря, что держал Максимилиан, было мало. Принесли лампу, и кавалер заглянул раненому в лицо.

– Ну, жив? Говорить можешь? – Он боялся, что сержант умрет прежде, чем расскажет ему, как было дело.

– Вода есть у вас? – просипел раненый.

– Вода, у кого вода есть? – прошло по рядам солдат.

Ни у кого воды не оказалось. Один из стрелков сбегал к реке и принес оттуда воды в своем шлеме. Волков ждал, встав возле раненого на колено. Того наконец напоили, и кавалер спросил:

– Ты видел рыцарей до того, как они вас ударили?

– Нет... Нет, господин, – отозвался раненый сержант.

– Ты же был в голове колонны, но не видел?

– Нет, не видел, господин. Жарко было, марево стояло, все устали уже. Все быстрее к реке хотели, к броду, чтобы хоть воды попить.

– А капитан ваш где был?

– Так первый ехал на коне.

«Болван Бертье. Неужели в середине колонны не мог ехать?»

– И что?

– Ну, так его рыцари и ударили первым. Они четверть нашей колонны проехали, раскидали людей как снопы. Переломали людей, потоптали.

– А капитана? Убили? – спросил полковник.

– Коня у него убили, но он из-под рыцарей выскочил, из свалки, что была, вылез, только, кажись, руку ему правую сломали, он меч в левой руке потом держал. Но командовал еще...

– Командовал?

– Да, кричал, чтобы по дороге не бежали. Кричал, что кавалеры поедут по дороге следом, так всех потопчут. Кричал, чтобы в лес заходили, – с паузами рассказывал раненый.

– Так, значит, поначалу он жив был?

– Жив, жив... Стал людей в лес заводить, я с ним был, думали, что кавалеры в лес не поедут, а тут как на дорогу глянул... – Раненый замолчал, переводя дыхание.

– Ну!

– Мужичье прямо по дороге прет в штурмовой колонне по шесть, почти бегут, сволочи... Смели нас просто... с дороги в лес и дальше к реке погнали. А там резать стали... Их было вдвое против нас, они слаженные, а мы, кто еще остался, к воде отступили кучками, кто по десять, кто по двадцать, разве нам отбиться было? Капитан еще кричал что-то, пытался людей собрать вокруг себя... Думал пойти по берегу, прорваться обратно... А потом мне ноги разрубили, по голове получил. Все...

Раненый, кажется, выдохся, но главного так и не сказал, ни про Бертье, ни...

– Так откуда мужики, откуда кавалеры-то взялись? – пытался дознаться Волков.

– Не знаю, господин, ничего не знаю... – тихо отвечал раненый сержант.

– Несите его к первому раненому, – распорядился полковник и снова прикрикнул на собравшихся вокруг солдат: – Ну, что встали, ищите, ищите еще раненых, капитана ищите.

Долго искали. Раненых еще нашли восьмерых, но храброго капитана и веселого человека Гаэтана Бертье так и не отыскали.

– Видно, он попытался по воде уйти, – предположил Максимилиан.

«Да, в доспехе и со сломанной рукой, конечно, всякий захочет поплескаться в воде».

Волков не стал говорить молодому человеку, что в плохой, нечестной войне, где нет места ни чести, ни совести, утащить тело видного офицера – дело обычное, дело вознаграждаемое. Наверное, ублюдки тащили Бертье по земле, привязав за ноги к лошади, чтобы показать старшим офицерам. Может, награду выклянчить. А потом повесить труп на том берегу, на виду, тоже ногами кверху и непременно голым. Когда Рыцарь Божий шел драться с хамами у брода, он думал, что и его ждет такая участь. Мелькнула такая мысль, ну а чего еще ждать от взбесившегося быдла, которое даже Бога отринуло? Неужели уважения к мертвым господам?

Волков смертельно устал, но злоба стала наполнять его, прибавляя сил.

– Всё, уходим! – распорядился он.

Раненых относили к дороге, там уже и телега приехала. Всего живых набралось десять. Десять! От роты в двести с лишним человек! Нет, тут было что-то не так. Глядя на остатки одной из своих рот, которые уместились в одной большой обозной телеге, кавалер раздражался еще больше.

Шел так, чтобы телегу эту не видеть, и свернул к реке, к броду, чтобы хоть Увальня найти. Нет, Александра Гроссшвулле на песке не оказалось, вообще ни одного мертвого на берегу не было. Та рота хамов, что терзала Рене, забрала убитых с собой. Зато на той стороне были арбалетчики и аркебузиры, они стали стрелять по фонарям. Полетели пули и болты. Максимилиан велел тушить фонари, хотел уже приказать стрелкам, чтобы запалили фитили и ответили, но кавалер вдруг почувствовал дурноту, он устал за этот день, так устал, что даже злиться больше не мог. Бертье, Увальень, целая рота его людей, Гренер-старший, ушедший на тот берег со своими кавалеристами. Всех их больше не было.

– Нет, не будем стрелять... Уходим.

Солдаты и рады были, потянулись наверх, от реки к дороге, туда, где вовсю в темноте стучали топоры. И последним шел их командир, уставший человек в дорогом доспехе и с топором в руках.

Ничего не закончилось, ночь была ничем не легче дня. Когда они подходили к лагерю, им навстречу вышел, да нет, выбежал ротмистр Вилли с небольшой лампой в руке.

– Телега с ранеными приехала, я понял, что вы идете. – Было видно, что Вилли взволнован.

– Говорите, – сухо велел полковник.

– Те возницы, которые нанимались со своими телегами, уйти желают, – сразу выпалил молодой ротмистр.

– Что? Куда еще уйти? – не понял Волков.

– Сбрасывают поклажу наземь, хотят уезжать, говорят, что завтра мужики у них все отнимут. А им телеги и лошади, говорят, дороги.

– А Рене где, он что, этого не видит?

– Он их уговаривает не уезжать.

– Что? – Волкова снова стала разбирать злость. Она придавала ему сил. – Уговаривает?

– Да, а еще...

– Ну? – Он поднял топор и положил его на плечо.

– Люди из первой роты, корпорация из Левенгринга, их человек двадцать... Их корпорал говорит, что они тоже уходят, – продолжал Вилли все так же взволнованно. – Они...

– Ротмистр Вилли, – перебил его кавалер.

– Да, господин полковник.

– Люди ваши надежны?

– Мои люди? А, ну... Они же, кроме тех, что недавно набраны, все на вашей земле живут, дома там у них, семьи. Преданы вам, не в одном деле с вами были.

– Где они?

– Вдоль реки частокол ставят, окапывают...

– Бегом за ними, а потом, – распорядился Волков, – отправьте ко мне пятьдесят человек и двух сержантов, и пусть сразу фитили запаливают.

– Будет исполнено, – отвечал молодой ротмистр и тут же скрылся в темноте.

А Волков, проклиная своего родственника Рене, пошел в лагерь. «Ну что за офицер, ни на минуту нельзя оставить!»

К этому времени их пристанище уже начинало походить на лагерь: горели костры, на них были подвешены котлы, распространявшие вокруг запах пищи, кое-кто уже поставил палатки, все вокруг оказалось заставлено телегами и возами, лошади выпряжены. В одном месте собралось много факелов и фонарей. Волков сразу направился туда.

Тут к нему подбежал новый ротмистр Мальмериг.

– Господин полковник, там возницы запрягают лошадей, провизию с телег скидывают... Слушать ничего не хотят.

– Где они?

Мальмериг отвел его немного в сторону, к северному участку частокола, там несколько человек и вправду впрягали своих лошадей, еще некоторые скидывали со своих телег мешки с провизией и палатки.

– Куда собрались? – заорал Волков.

Мужички обернулись, посмотрели на него, на Мальмерига, на Максимилиана. Смотрели и молчали, дело свое приостановили.

– Я спросил, куда собрались? Кто старший, кто говорить будет?

Возницы переглянулись, наконец отозвался старший из них:

– Господин... Это... Телеги-то наши.

– И лошади наши, мы нанятые, – крикнул из-за его спины еще один.

– И что?

– Ну так это... Завтра, солдаты говорят, сюда хамы придут... – объяснил старший.

– Лошадок наших заберут, телеги заберут, – добавил второй.

– Еще и нас резать надумают, с них станется, – вмешался в разговор третий.

– В общем, мы решили в Бад-Тельц податься, там вас ждать будем.

Волков даже и секунды не думал.

– Распрягайте лошадей. Никто никуда не едет. На дороге мои разъезды, если кого из вас приволокут, так буду считать дезертирами. Дезертиров я вешаю.

Больше он этим людям ничего не собирался говорить, для них и этого было достаточно, повернулся и пошел туда, где горело больше всего фонарей и факелов. А там собралось не менее пяти десятков человек, все галдят, друг друга пытаются перекричать. Рене что-то говорит, но его не слушают, солдаты его обступили. И что хуже всего, там не только солдаты первой роты.

Волков бесцеремонно растолкал всех, пробираясь к Рене, схватил того за руку, оттащил чуть в сторону.

– Господи, Мария, Матерь Божия, как хорошо, что вы появились! – Рене, болван, еще и крестится у всех солдат на виду.

Кавалер не удостоил родственника ответом, повернулся к солдатам.

– Кто старший?

– Ну я, – отвечает один из солдат.

– А имя и звание у тебя есть?

– Корпорал Левенгринской воинской корпорации Рудольф.

– И какого дьявола ты и твои люди не работают, корпорал Рудольф? Или вы, может быть, господа благородные, может, за вас другие должны частокол вокруг лагеря ставить?

– Без толку все это! – кричит один из солдат, он совсем недалеко, он орет почти из-за спины своего корпорала. – Завтра придут две тысячи мужиков, сметут нас, как вторую роту!

Эти крикуны хуже всего, больше всех страха на других нагоняют. Самим страшно так, что на визг срываются, так еще и других своим криком пугают.

Волков сделал шаг и без предупреждения, почти без замаха ударил крикуна в челюсть, ударил сильно, не снимая латной перчатки. Тот, уронив свой годедаг на землю, пошатнулся, пытаясь устоять, покачиваясь, словно сильно пьяный, но не устоял, уселся на землю. Волков же краем глаза следил за остальными солдатами, может, кто осмелится вступить за крикуна. Но никто не вступился, все понимали, что полковник прав. Спрашивал он корпорала, отвечать должен был корпорал, а из строя никто орать не должен, когда командиры разговаривают.

А кавалер как ни в чем не бывало снова спрашивает у корпорала:

– Так почему ты и твои люди не работают?

– Потому как без толку это, – повторяет тот слова крикуна, повторяет с вызовом. Смотрит Волкову в глаза и продолжает: – Завтра хамы будут тут. А мы уставшие, день на марше, вечером в бою, ночью работали. И не жрали.

– Еда уже готовится, – говорит Волков. Тут за его спиной происходит движение, он оборачивается, а там Вилли прибежал, расталкивает зевак, с ним десятки стрелков, фитили уже зажжены, готовы палить. Теперь кавалеру полегче стало, он продолжает: – Если частокол поставим, если окопаем его хорошо, то с нашими мушкетами мужичью нас нипочем не взять.

– Не успеем мы до утра! – Корпорал тоже заметил стрелков, тон сразу менее наглый стал, но все равно этот мерзавец дерзок в речах. – Будь нас хоть полторы тысячи, так, может, и не взяли бы... А вы нас в засаду завели. Вон сколько людей за один вечер погубило. Телеги с ранеными возим всю ночь, лекари не успевают лечить.

«Ах ты, сволочь! Решил виноватого найти и сбежать отсюда!»

– Да, мы попали в засаду, да, нам было тяжело, но мы не можем отступить, не уйдем мы от них с обозом, а обоз бросать нельзя, иначе это будет конец всей кампании. – Волков все еще пытался объяснить этим солдатам по-хорошему, но им плевать на обоз.

– Мы из-за вашего обоза тут погибать не хотим, тем более что мужичье пленных не берет, а раненых добивает. Мы не хотим к полудню тут дохлыми валяться.

– Дезертировать думаете?

– Нет-нет, – сразу отвечает корпорал, – мы законы воинские знаем, мы пойдем к другому командиру и контракт выполним. Мы будем просить маршала, чтобы записал нас в другую часть. Уходим мы от вас, полковник Фолькоф, так как командир вы нерадивый и неумелый.

Так и говорил он это все дерзко, даже как будто с ухмылочкой. Очень немногие из тех, кто знал Волкова не первый день, видя в его руках секиру, осмелились бы так с ним разговаривать.

Корпорал Левенгринской воинской корпорации Рудольф едва успел договорить, как на стык его горжета и шлема обрушился тяжеленный топор. Рудольф пошатнулся, железо выдержало, корпорал, опираясь на алебарду, выстоял, но только для того, чтобы получить второй удар. Второй удар оказался страшен, теперь Волков бил, держа тяжелое оружие обеими сильными руками, занося топор за спину, с размаху. Удар раскроил Рудольфу и шлем, и голову. Он рухнул на землю замертво.

– Ах ты! – закричали сослуживцы корпорала.

– К оружию, ребята!

– Он убил его!

Люди из корпорации Левенгринина сразу ошетинились железом, думая мстить за своего командира.

А тут и Вилли тоже крикнул:

– Стрелки! Целься!

Но весь этот шум, все крики перебил знакомый Волкову скрипучий, надтреснутый властный голос:

– Это что тут такое? Бунт?

И хоть часто кавалера раздражал человек, чей голос сейчас слышали все, теперь же Волков был рад его появлению.

– Что здесь происходит? Бунтуете, негодяи? Господин полковник, только прикажите, и я угощу этих бунтовщиков хорошей порцией картечи.

– Никто здесь не бунтует, господин капитан Пруфф, – громко отвечал Волков. – Солдаты сейчас выберут себе нового корпорала и пойдут работать в свою часть. Так как они знают, что вокруг лагеря я выставил пикеты и разъезды и что дезертиров я буду вешать.

Как он это сказал, так после повисла тишина. И солдаты из корпорации города Левенгрин, и зеваки молчали.

– Ну, что стоите? Картечь ждете? – крикнул Волков, стряхивая со своего страшного оружия капли крови. – Выбирайте себе корпорала и идите в свою часть.

Многие солдаты уже смирились с его властью, с его победой, да и всем зевакам уже все было ясно.

Вот лишь теперь дело было закончено.

Глава 2

– Ну наконец-то, – сказал Волков и протянул руку капитану Пруффу.

Тот пожал руку и сразу спросил:

– Раненые, которые мне встречались по дороге и которых я опросил, говорили, что мужики нас ждали. Ждали и крепко побили?

– Да, устроили нам засаду. Бертье погиб, Гренер тоже, погиб ротмистр Хилли.

– Это молодой такой? Из стрелков?

– Да. Роха и Брюнхвальд ранены, второй роты нет, она была в голове колонны. Арбалетчики сбежали. В общем, мы угодили в засаду.

– Засаду? Но ведь вы выставляли разъезды!

– То и удивительно, никто из кавалеристов ничего не видел, пока на нас не обрушились батальоны хамов. Впрочем, это уже прошлое, пойдемте, я покажу вам, что вам надобно сделать. – Волков обернулся, увидел все еще растерянного Рене, что был тут же, и едко произнес: – Капитан, прошу вас продолжить работы, займите уже своих людей, дайте им лопаты, чтобы мысли дурные к ним в головы не лезли.

Рене пытался ему что-то ответить, но Волков его сейчас даже слушать не хотел, он жестом велел удалиться. Капитан поклонился и ушел. После кавалер заговорил с ротмистром Вилли:

– Ротмистр, отберите среди своих стрелков десять самых надежных человек с самым надежным сержантом...

– Сейчас все сделаю, а зачем они вам?

– Для моей охраны, – отвечал полковник, – сзади у меня глаз нет, а одного Максимилиана может быть мало. Думаю, что солдатики теперь на меня злы.

– Я могу быть при вас, полковник, – сразу вызвался Вилли.

– Вы должны быть при своей роте, у меня и так не хватает офицеров. Пришлите мне десять людей и сержанта.

После они с Пруффом пошли по лагерю.

Как ни устали, как ни злы, как ни голодны восемь сотен людей, но сила это немалая, и сделать они могут многое, если есть воля, что сможет их объединить и сподвигнуть на усилия. Стена из кривоватых бревен уже перегородила дорогу с востока, оставив проезд для телег. Перед стеной полсотни людей копали ров. А сам частокол повернул на запад и шел над лесом, которым густо порос спуск к реке.

Волков вывел Пруффа на дорогу. Как раз луна вышла, река блестела серебром в ее свете.

– Вот, – сказал полковник, – это брод, я хочу, чтобы ваши пушки не дали завтра ни одному мужику перейти его.

– Завтра? – спросил капитан. – Думаете, что они пойдут уже завтра?

– Думаю, что они начнут утром. Им слышно, что мы укрепляемся. Я бы на их месте тянуть не стал.

Они направились обратно в лагерь. Волков привел артиллериста в северо-восточный угол лагеря.

– Насыпьте здесь земли столько, чтобы вы могли стрелять по переправе поверх частокола.

– Насыпать придется немало, – заметил Пруфф.

– Да, немало, – согласился кавалер.

– Надеюсь, вы дадите мне хоть тридцать саперов.

– Нет, все саперы ставят частокол или окапывают его.

– Но мои люди выбиваются из сил, они весь день и полночи тащили пушки. – В голосе Пруффа опять слышалось привычное недовольство.

– Капитан, лишних саперов у меня нет, из трех сотен их осталось чуть больше сотни, и те уже с заката рубят лес и копают канавы. Придется вам справляться самим.

– Я не успею до рассвета! – уже раздраженно проговорил капитан.

– Объясните своим людям, что если они не успеют до рассвета, то к полудню им уже некуда будет торопиться: их всех перережут мужики.

Слушать, что ответит ворчливый капитан, кавалер не стал, он повернулся и направился прочь. Однако не прошел он и десяти шагов, как услышал очень взволнованный и знакомый притом голос, хотя сначала не мог вспомнить, кто его кличет.

– Господин! Господин!

– Это брат Ипполит, – сразу признал монаха Максимилиан и посветил ему фонарем. – Брат Ипполит, мы здесь!

Монах подбежал к Волкову. На брате Ипполите был длинный кожаный фартук, руки грязные, засохшая кровь черными точками покрывала и лицо его, и горло. Кажется, он недавно плакал.

– В чем дело? – довольно холодно спросил кавалер, его раздражал даже тон, которым монах его звал.

– Господин, – монах чуть обескуражен его тоном, – они умирают.

– Кто?

– Раненые, некоторых мы даже не успеваем осмотреть. Умирают, даже когда мы их лечим, когда зашиваем раны.

– Что, все умирают? – У Волкова защемило сердце.

– Нет-нет, слава Создателю, не все, но многие, уже шесть человек померло, я...

– Что? – сквозь зубы, но негромко спросил кавалер, чтобы, не дай бог, солдаты не услышали то, что им слышать нельзя. – Всего шесть? И ты прибежал ко мне пожаловаться или чтобы я тебе слезы утер? Ты в своем уме, дурень ученый? Ты, когда сюда ехал, о чем думал, думал тут желтуху да золотуху лечить?

– Но они умирают, их еще целые телеги, я не смогу всех спасти, и помощники мои не смогут, я не думал, что так сложится, понимаете, раньше в других ваших битвах так много раненых не было.

– Иди, дурак ученый, и спасай людей... Спасай людей, спасай тех, кого действительно можешь спасти, а уж потом других, иди и делай то, на что Бог тебя сподобил.

– Я просто...

– Прочь! – заорал Волков. – Прочь отсюда, вернись на свое место и зашивай в людях дыры, связывай кости, как тебе дано, а тех, кого подлечил, укладывай в телеги и отправляй в Бад-Тельц, пусть один из твоих лекарей с ними поедет, дай ему денег, чтобы размещал раненых у селян. Иди!

Монах только смог кивнуть и убежал в темноту. А Волков опять почувствовал, как кольнуло в груди и боль ниткой протянулась в левую руку до самого безымянного пальца. Он сжал левый кулак. «Левая рука слабая, вот и болит. Надо прилечь, что ли, поспать хоть час-два». Но его окликнули.

– Господин полковник, – обратился к нему немолодой сержант, Волков помнил его еще с Фёренбурга, там он был простым стрелком, которому даже оружия не хватало.

– Тебя Вилли прислал?

– Да, сержант Хольц. Ротмистр говорит, вас надо охранять.

– До утра точно придется, – отвечал кавалер, а сам поморщился от неприятных ощущений в груди. Хотелось приложить к беспокоящему месту руку, разгладить его, да попробуй еще дотянуться – там кираса, кольчуга и стеганка.

– Не беспокойтесь, господин. Мы вас убить не позволим, – заверил сержант.

– Отлично.

Волков огляделся, ища себе место для лежанки, и тут увидел в одной из телег своего молодого оруженосца Курта Фейлинга. Тот сидел в пустой телеге в обнимку с флагом, который так никому и не отдал, и что-то грыз.

– Сдается мне, что вы так и не выполнили мой приказ? – сказал он молодому человеку без всякой злости. – Вы так и были с ротой Брюнхвальда до конца?

Фейлинг перестал жевать, посмотрел на полковника с трепетом.

– Думается, что знаменосцем вам быть рановато, это звание еще нужно заслужить, – произнес Волков, залезая в телегу и садясь рядом с мальчишкой. – Будете и впредь моим оруженосцем. Надеюсь, Максимилиан научит вас ухаживать за доспехом и за моими конями.

– Ухаживать за конями я умею, кавалер, – с радостью отвечал Курт Фейлинг.

– А шлем с меня снять сможете?

– Конечно.

– Ну так снимайте.

Молодой человек привстал, стал отстегивать ремни, что крепили шлем к горжету. Это у него получилось почти сразу.

Волков повалился на что-то мягкое, положил секиру под правую руку.

– Максимилиан, сержант Хольц.

Те сразу подошли.

– Мне нужно поспать, пусть даже немного. Думаю, на рассвете мужики начнут дело, хочу быть бодрым к тому времени.

– Я разбужу вас, – заверил его Максимилиан.

– Я пригляжу за вами, – пообещал сержант стрелков.

«Хорошо, что пришел Пруфф, а то без Брюнхвальда совсем плохо». Больше он ни о чем не успел подумать.

Сначала Волков не мог понять, что происходит. Вокруг все серое. Максимилиан склонился над ним.

– Кавалер, кавалер, просыпайтесь, барабаны...

Он сел, откинул одеяло – его кто-то накрыл, пока он спал, кажется, это денщик Гюнтер. Рядом, в ногах, спит новый оруженосец Курт Фейлинг, а вокруг все заполнено тяжелыми клубами серого тумана, такого плотного, словно вата.

– Барабаны? – Он не слышит барабанов, только звуки топоров, пил, заступов.

– Приехал кавалерист из разъезда с восточной дороги, говорит, что у второго брода барабаны бьют.

Волков сразу проснулся, вылез из телеги, взял топор, шлем и некоторое время постоял, привыкая к боли в растрепанной ноге, затем пошел к восточному выходу из лагеря. Максимилиан и стрелки охраны поспешили за ним.

Всадник ждал сразу за частоколом.

– Ну? – спросил кавалер.

– Барабаны, господин, – говорит тот, – за рекой у дальнего брода. Бьют «походный шаг».

– Езжай туда. Как только начнут переправляться, сразу отходите в лагерь.

– Да, господин, – ответил всадник и уехал.

Надо послать кого-нибудь на рекогносцировку, но кого? Рене? Да нет, какой из него разведчик. Хайнквист? Новый человек, Брюнхвальд говорил, что он проявил себя в деле. Один бой – этого мало. Волков не знает этого человека совсем. Вилли? Нет, конечно, мальчишка совсем без опыта. Гренер? Да будь у кавалера еще хоть один кавалерийский офицер, так он сразу снял бы Гренера-младшего с должности. Волкову надо все выяснить наверняка, но послать-то некого. Был бы Бертье... Да, но Бертье нет. Волков понимает, что ему придется идти в разведку самому. Как не стало Бертье, Брюнхвальда и Рохи, ему приходится делать все самому.

Потеря опытных командиров – самое худшее, что могло случиться. Заменить их всех Волков просто физически не сможет, даже если и силы в нем будут. Он не выпался, он мрачен, но надевает подшлемник и сверху небрежно нахлобучивает шлем.

По росе, по мокрому песку он спускается к реке. Здесь вообще ничего не видно, туман такой густой, словно молоко, не только лишает видимости, он еще скрывает звуки... Волков подходит к самой воде, присаживается, начинает умываться и... замирает.

– Слышите? Максимилиан, сержант, слышите?

– Я нет, – отвечает Максимилиан.

– Похоже, лошадь ржала, – говорит сержант.

Да, через плотную пелену тумана с той стороны реки донеслись именно эти звуки.

– Максимилиан, бегом в лагерь, передайте Рене, Хайнквисту и Вилли работы бросить, строиться в лагере.

– Да-да, полковник, – говорит знаменосец и убегает наверх к дороге.

Волков продолжает умываться, но больше прислушивается, чем моется, наконец встает.

– Сержант.

– Да, господин.

– Останетесь со своими людьми здесь. Как начнут переправу или даже просто подойдут к воде, так дадите один залп, чтобы мы знали, что они пожаловали, а потом бегом в лагерь.

– Да, господин.

Волков, хромая в сыром песке, насколько мог быстро двинулся вслед за Максимилианом, ему нужно было еще осмотреть укрепления, что построили за ночь. Осмотреть, чтобы точно знать, к чему готовиться.

То, что он увидел, его не слишком порадовало, вернее, не радовало совсем. Восточная стена, что перекрывала дорогу рядом с поворотом к броду, была хороша, поставлена, еще когда он не лег спать, стояла крепко, и окопали ее хорошо. Канава под ней была человеку по грудь, спуск легкий, подъем крут – попробуй из такой вылезти. Рогатки у восточного входа вкопаны надежно, заточены на восток, телега одна пройдет, а вот строй солдат нет. Такой проход несложно будет оборонять, особенно если у тебя достаточно стрелков. Тут все было хорошо. Солнце уже почти вылезло из-за верхушек деревьев. Подул ветерок, туман клочьями разлетался и таял в воздухе, словно творилось какое-то волшебство, но рыцарю было не до красот природы. Первые пятьдесят шагов северной стены тоже были неплохи, а дальше... Бревна вкапывались неглубоко, держались некрепко, да и эти окопаны плохо... Саперы и солдаты второй роты, что еще работали тут, видели недовольство командира работой, смотрели на него зло, что-то бурчали себе под нос.

А к нему подбежал новый командир второй роты Хайнквист.

– Господин полковник... – проговорил он устало.

– Что это? – сразу перебил его Волков, показывая на кривые и косо вкопанные бревна. – Кто учил вас, ротмистр, так укреплять лагерь?

– Мои люди еле волочат ноги от усталости, господин полковник, они сутки не ели.

– Вы офицер, Хайнквист, и должны понимать, да еще и людям своим объяснять, что если не будет укрепления, так им вообще больше поесть не придется...

– Я пытался...

– Плохо пытались... Плохо, – прорычал Волков и, уже успокаиваясь, добавил: – Снимайте своих людей, быстро кормите и стройте.

– Что-то случилось?

– Разъезды доложили, что на том берегу у дальнего брода слышны барабаны, играют «походный шаг», а у нашего брода я сам слышал ржание лошадей.

– Пойдут на штурм, думаете?

– Нет, придут поздравить нас с Днем святого Енуария, – невесело усмехнулся полковник. – Кормите людей быстро и стройте.

– Вторая рота, бросай работу, сержанты, всех людей ведите в лагерь! – закричал Хайнквист.

– Господин, а жрать дадут? – тут же откликнулись солдаты, что были рядом.

– Дадут. Сержанты, инструменты не бросать, все нести в лагерь.

– А нам что? – закричали саперы, тоже останавливая работу, ожидая ответа от офицеров.

– Тоже в лагерь идите, идите есть, – отвечал им полковник.

Все, и солдаты, и саперы, радостно, чуть не бегом поторопились к проходу. Люди хоть и устали смертельно, но голод пересиливал усталость.

Волков отправился дальше. Стена дрянь, ров неглубок, хорошо, что сразу за рвом начинается заросший лесом крутой спуск к реке, тут очень непросто будет врагу атаковать, волноваться за северную стену смысла не было, тем не менее он не преминет высказать все Хайнквисту. Брюнхвальд такого бы не допустил.

Западная стена, которую ставил Шуберт, оказалась не лучше северной, да еще и у прохода не вкопали рогатки, просто сложили рядом... Он уже собирался повернуть за угол к южной стене, как услышал выстрелы. Мушкеты, стреляющие новым порохом. Он уже знал этот звук. Пикет из его охраны оповещал, что у брода появились хамы.

Дальше разглядывать бревна и канавы времени не было, он поспешил в лагерь, где почти сразу увидел Максимилиана.

– Господин полковник, вернулись наши разъезды и пикет с восточной дороги. Мужики переправляются.

– Сколько? – только и спросил он.

– Насчитали пять сотен, но конца колонны не видели.

– Пять сотен минимум, – прикинул Волков, – а может, и тысяча будет, на этот раз переправятся со стрелками, на этот раз времени у них много. Где Рене?

– Строит людей, но без вас не решается просить ни трубачей, ни барабанщиков, чтобы сыграли ему построение.

О, как этот слюнтяй раздражал Волкова, кавалер аж зубами скрипел. Не будь Рене мужем сестры, отстранил бы этого болвана сразу после атаки мужиков. А поставил бы... Да хоть того же Хайнквиста, хуже бы не было.

– Максимилиан, бегите к трубачам, пусть играют «тревогу» и «построение».

Знаменосец коротко кивнул и скрылся.

В лагере суета, крики, неразбериха. Резко кричал молодой офицер, фамилии которого Волков вспомнить не мог.

– Первая рота, строиться!

Сержанты повторяли приказ, орали так, что у них вены на горле выступали.

– Рене? Где капитан Рене? – спросил кавалер у первого попавшегося сержанта, схватив того за рукав кольчуги.

– Там, господин, ближе к воротам был. – И тут же отвернулся от полковника. Сержанту не до того, у него свое дело. – Эй вы, бараны во втором ряду, куда первым на пятки наступаете? Опытные люди, а сбиваетесь в стадо, как новобранцы. Ровняйтесь, на полтора шага от них. Не напирайте.

«Даже этот сержант и то знает, что делать. Достался мне родственник».

А тут звонко, громко и тревожно, как положено, зазвенели трубы, играя сигнал «тревога, к оружию».

...Солдаты, те, что еще ели, спешно закидывали в рот еду грязными руками, бросали миски и кружки, брали оружие. Волков, расталкивая мельтешащих под ногами возничих, кашеваров и саперов, стал искать офицеров.

– Вторая рота, стройся в проходе, под мою руку, – заорал старший сержант второй роты, вытягивая руку вдоль прохода. – В колонну по четыре.

Слава богу, хоть ротмистр Хайнквист знал, что делать, он оказался уже рядом со своим сержантом, уже надел шлем, уже готов и критически оглядывал солдат.

Вилли тоже собирал стрелков, Волков посмотрел на мальчишку, слушая его высокий голос, и заволновался. «Ах, как все это нехорошо, рано, рано мальчишке командовать ротой, не дорос еще, был бы Роха...» Но старого товарища не было рядом, и от этого на душе у полковника стало совсем беспокойно.

Глава 3

И тут неожиданно-негаданно, как бальзам на сердце, в суете и толкотне лагеря, который вот-вот подвергнется атаке, нашлось место, где царили порядок и спокойствие. В северо-восточном углу была насыпана площадка в высоту взрослому по пояс, землю на ней застелили досками, и на этом помосте стоял капитан Пруфф рядом со своими пушками. Всем пушкам места хватило. Волков сразу поднялся к капитану, к орудиям. Пруфф молодец, сам он до этого додумался или ему кто из его людей подсказал, но земли они много насыпать не стали, а, чтобы пушки могли стрелять из-за частокола, просто спилили верхушки бревен. Теперь пушки достреливали и до переправы, и до дороги. И везде у артиллеристов порядок. Рядом с полукартауной два бочонка с картечью, с крупной и с мелкой. Ядра тут же сложены в пирамиду, ядра для кулеврин рядом. Большая бочка с порохом отнесена подальше, стоит внизу и накрыта крышкой, чтобы во время стрельбы искра не залетела. Под колесами всех пушек чурбаны, чтобы уменьшить откат при отдаче. Все-все тут продумано, все в полном порядке.

Капитан Пруфф поклонился Волкову.

– Доброе утро, полковник.

– Доброе ли, капитан? Мужиков не видать? – Волков подошел к частоколу и опять восхитился продуманностью позиции.

– Говорят, барабаны бьют. Но я сам не слышал, – ответил Пруфф. Волков давно заметил, что он всегда говорил громко и, кажется, был немного туговат на ухо, впрочем, как и все артиллеристы.

Волков огляделся. Отсюда переправа как на ладони, а если пушки чуть развернуть на юг, то и вся дорога ими простреливается.

– Вы отлично оборудовали позицию, капитан, – наконец заметил Волков, – все прекрасно видно, и порядок у вас безупречный.

«У всех бы так в частях».

Капитан в ответ лишь поклонился, но видно было, что похвала ему приятна. Полковник оглянулся. Роты построены, офицеры собрались около артиллерийской насыпи. Он спустился к ним, но не поздоровался, а начал сразу:

– Капитан Рене, ваша рота у восточного прохода, выделите резерв из лучших солдат в сто человек под командованием ротмистра, остальных разделите на две части, ставьте людей с двух сторон от прохода. Если хамы надумают войти, так давите их с флангов. Резерв поступает в мое распоряжение.

– Как вам будет угодно, полковник, – отозвался Рене.

– Ротмистр Вилли, выделите охранные пикеты человек по пять, поставьте их к западному, южному и северному проходам, чтобы мы знали, когда враг попытается обойти лагерь.

– Да, полковник.

– Остальных так, как вы умеете, стройте рядами фронтом к восточному проходу. Пусть как только войдут, так сразу попадут под ваши мушкеты и аркебузы во фронт и под удары людей Рене во фланги.

– Да, полковник, – повторил Вилли.

– Полковник! Господин полковник! – еще издали закричал артиллерист, пробираясь к нему через строй солдат первой роты.

Все офицеры и солдаты, что были рядом, обернулись.

– Ну? – коротко бросил ему Волков.

– Мужики, колонна, человек под шестьсот. С флагами идут и с барабанами.

– Где?

– У нашего, ближнего брода.

– Ступай, – ответил полковник и положил руку на плечо молодому ротмистру, который уже командовал ротой. – Вилли, действуй так, как действовал Роха.

Волков так и не успокоился. «Рано, рано юнцу командовать полутора сотнями людей, что старше него».

– Не волнуйтесь, полковник, – отвечал ему Вилли, – ваши стрелки им врежут как следует.

– Хайнквист!

– Я тут, полковник.

– Вторая рота в резерве. Встаньте в центре лагеря, будьте наготове.

– Да, господин полковник.

– А что делать кавалеристам? – спросил Гренер, думая, что Волков про него забыл.

– Кавалеристам в лагере делать нечего, выводите их отсюда на запад, встаньте на дороге, и если увидите, что враг обойдет нас и появится с запада, чтобы ударить нам в тыл, так сами его бейте при первом удобном случае, приказа не ждите.

Гренер кивал. Мальчишка, который вчера потерял отца. В глазах его как минимум растерянность, как ему полуэскадрой руководить? «Тоже молод, как и Вилли, эх, с кем придется воевать, со слюнтяями да мальчишками».

Почти все слова уже сказаны, но нужно было что-то говорить солдатам. Они ждали.

– Братья-солдаты! – заорал Волков. – Помните, что вы дети Божьи, дети истинной матери нашей – святой церкви, а они, – он махнул рукой на восток, – дети Лютера и Кальвина, слуги Сатаны! С нами Бог, молитесь, кто как умеет, и бейтесь изо всех сил! Кто погибнет, обретет царствие Божие, кто выживет – славу! И верьте в меня, как верили раньше. Я знаю, как бить мужиков.

Он повернулся и захромал к артиллерийской насыпи, за ним пошел Максимилиан со знаменем. Курт Фейлинг догнал кавалера и, заглядывая в глаза, тихо заговорил:

– Господин полковник.

– Да, Курт.

– Может, прикажете оседлать вашего коня?

Волков остановился и посмотрел на мальчишку внимательно, он даже едва заметно улыбнулся.

– Ну, на всякий случай, – так же тихо продолжал Фейлинг. – Вдруг...

– Нет, – отрезал Волков, – вы умный юноша, господин Курт Фейлинг, но коня мне сегодня седлать нет нужды, я сегодня никуда уезжать из лагеря не собираюсь, – сказал и начал взбираться наверх, к капитану Пруфффу.

– Идут с флагами, – сказал Пруффф, увидав, что полковник встал с ним рядом.

Солнце и ветер ничего не оставили от тумана. Утро прекрасное, птицы в небе звенят, переливаются, красота. А по утренней влажной от росы дороге, совсем не поднимая пыли, с флагами, с барабанами идет плотная полнокровная колонна пехоты – восемь сотен, не меньше; а по полю, догоняя пехоту, все в цветастых шелках и с дорогими перьями в плюмажах, не спеша, почти шагом, едут рыцари.

– Как хороши-то кавалеры, красавцы, едут, не прячутся. – Капитан-артиллерист покачал головой. – Красиво все у них: и пехота, и кавалеры.

– Специально так идут, надеются нас выманить защищать переправу, – говорит полковник, не глядя в тот берег.

– Но мы не пойдем? – спрашивает Фейлинг.

Волкову не очень хочется отвечать мальчишке, но это будет невежливо.

– С востока движется еще одна колонна, мы выйдем к броду, а они ударят нас с берега – и конец. Нет, им не выманить меня из укреплений, пусть хоть золото на берегу раскидывают.

– Кавалеры опасные, – вдруг осмеливается взять слово Максимилиан. – Раненые говорили, что кавалеры раскидали четверть их колонны одним наездом.

– Угу, – мрачно подтверждает кавалер.

Он не видит стрелков и арбалетчиков – это его беспокоит. Значит, они переправились с другой колонной у дальнего брода и двигаются сейчас к его лагерю по дороге с востока.

Пруфф неожиданно для него вдруг смеется и говорит:

– Кавалеры перед атакой собираются в плотный строй. – И добавляет, оборачиваясь к Максимилиану: – Лучше нет цели для крупной картечи. В них не промахнешься.

А пехота врага уже приближается к берегу.

– Может, пора заряжать пушку? – спрашивает Волков.

– Я уже думаю о том, просто никак не решу чем.

Волков смотрит на него, не понимая, и артиллерист поясняет:

– Двести шагов... Думаю, какую картечь класть.

Старый арбалетчик Волков был приятно удивлен, насколько старый артиллерист Пруфф верно угадал расстояние. Да, кавалер и сам посчитал, что до спуска к реке двести шагов. Ни один болт туда не долетит. Он щурится, приглядываясь, и говорит, продолжая разглядывать пехоту противника:

– Мелкую кладите, у мужичья ноги не защищены, лат на ногах почти нет, им и мелкой довольно будет.

– Да, это так, – еще сомневается Пруфф, – но уж больно у мелкой разлет большой, и силу она быстро теряет.

Волков не хочет лезть с советами к нему, Пруфф всю жизнь стреляет, он лучше знает.

– Двести шагов... Ладно, попробуем мелкую, – наконец заключает капитан артиллеристов, – посмотрим, как пойдет. Фейерверкер!

– Тут, господин, – откликается один из артиллеристов.

– В полукартауну порцию мелкой картечи. Дистанция – двести шагов.

– Да, господин! – И тут же отдает команду: – Полтора совка пороха, пыж, картечь мелкая – заряжай, запал ставь!

– Стойте, – останавливает его Пруфф.

– Да, господин.

– Два совка пороха, – говорит капитан артиллерии. – Толкнем картечь посильнее.

– Два совка пороха, пыж, картечь мелкая – заряжай, запал ставь!

– Кулевины как обычно, – продолжает командовать Пруфф.

– Кулевины, полсовка пороха, пыж, ядро – заряжай, запал ставь! – тут же отзывается фейерверкер.

Волков даже любит этими ловкими солдатами. Как быстро и четко делают все артиллеристы, каждый знает свою работу: кто несет порох, кто отмеривает картечь, кто подает пыж. Ни суеты, ни мельтешения какого, любо-дорого смотреть на них, еще бы стреляли так же метко.

– Дальность – двести, – продолжает Пруфф, – целься.

– Дальность – двести шагов! – перекрикивает его команду старший артиллерист.

– Готов, – наконец отвечает канонир у первой кулевины.

– Готов! – тут же кричит канонир второй.

С полукартауной возиться дольше всего, но и она уже готова к выстрелу.

– Готов! – кричит канонир у главной пушки.

Волков ждет, когда же будет отдана команда стрелять. Как хорошо сейчас враг сгрудился, начинается спуск, но в воду никто не заходит. Солдаты стоят на песке кучей – прекрасная цель. Приказа, что ли, ждут? Но Пруфф не дает приказа стрелять, идет к полукартауне, сам склоняется к стволу, проверяет прицел. И, видно, только после этого, согласившись с тем, что прицелились хорошо, подходит к Волкову.

– Думаю, что наш гостинец мужичью будет не по душе, разрешите, господин полковник, стрелять?

– Да уж начинайте, – отвечает кавалер, боясь, что враг начнет переправу.

– Полукартауна, пали! – кричит капитан.

– Полукартауна, огонь! – тут же отзывается фейерверкер.

Канонир подносит к запальному отверстию сложенный вчетверо и крепко скрученный тлеющий фитиль на палке. Запал тут же вспыхивает...

Бах-х-х...

Глава 4

Волков даже вздрогнул. Удар такой, что звон в ушах, ни шлем, ни подшлемник не помогли. Дым густым облаком медленно плывет на запад. Кавалер оглядывается, видит Пруффа, который морщится и улыбается одновременно, говорит приглушенно:

– Вон как жажнуло, два совка пороха – не шутка, однако.

Пока артиллеристы огромными колями возвращают откатившуюся пушку на место, Пруфф и Волков смотрят за реку.

А там мужичье суетится. Картечь удачно накрыла тех, кто столпился на берегу. Раненых много: кто-то валяется на песке, кто-то остался стоять, а кого-то товарищи уже волокут наверх. Ноги, руки, лица, глаза... Всю плоть, что была незащищена, всю ее нашли и порвали на части мелкие, с вишню величиной, неровные свинцовые шарики.

– Два десятка минус, – прикидывает Пруфф, оценивая попадание. – Канонир, прицел был хорош.

«Может, и нет двух десятков раненых, но полтора десятка есть точно...»

– Фейерверкер, повторить! – кричит капитан артиллеристов.

– Два совка пороха, пыж, картечь мелкая – заряжай, запал ставь! Канонир, дальность двести – целься! – тут же отзывается заместитель капитана.

И снова суетятся вокруг пушки канониры: солдаты чистят от нагара ствол длинным банником, другие несут порох, третьи отсыпают картечь.

– Непонятно, чего они ждут, почему не начинают переправу, – говорит Пруфф.

Волкову самому интересно. Он не отрывает глаз от суеты на том берегу. Чего тянут, хотят подольше под картечью постоять? И тут ему становится ясно.

– Вон кого они ждали, – говорит он капитану.

Да тот уже и сам видит. Видит, как на берег, на вчерашнее свое место, выезжает мужицкий генерал со своей свитой. Он, как и вчера, без шлема, в берете на войну приехал.

«А вот и ты, удивительный генерал хамов». Волков очень хочет разглядеть его лицо, но слишком далеко. Кроме бороды ничего не разобрать. И еще ему кажется, что Железнурукый также пытается разглядеть его.

– Готов! – кричит канонир полукартауны.

– Может, по генералу выстрелить? – предлагает Волков.

Пруфф сомневается:

– Двести пятьдесят шагов, разлетится картечь, лошадей раним в лучшем случае. Лучше из кулеврин, ядрами проверим генерала.

– Хорошо, – соглашается Волков.

Пруфф машет рукой: стреляйте.

Снова страшный хлопок звучит над рекой, снова рой жужжащего свинца летит на ту сторону и находит множество целей. Волкову даже кажется, что он слышит крики раненых, но это, конечно, только кажется. А жаль, то была бы песня для души. Снова не меньше десятка людей валится на прибрежный песок. А кто-то стал забираться наверх по крутому берегу. «Побежали хамы? Видно, для них такое впервой. Что, не привыкли стоять под пушечным огнем?» Волков был удовлетворен такой стрельбой, артиллеристами и их капитаном. Два выстрела, и оба в цель. Стреляй они так у холмов по горцам, дело кончилось бы в два раза быстрее.

Два артиллериста длинным банником уже чистят ствол, готовят оружие к дальнейшей работе, а капитан отдает новый приказ:

– Кулеврины, прицельтесь вон по тем офицерам.

– Да, господин! – кричат канониры и разворачивают пушки.

– Как будете готовы, так стреляйте без команды, – продолжает Пруфф.

– Да, господин.

Недолго пришлось ждать. Почти одновременно, один за другим, хлопают два выстрела. Два ядра величиной со среднее яблоко улетают за реку.

Волкову кажется, что он видел, как одно из ядер пролетело выше голов офицеров. Немного, но выше. А второе не долетело. Ударило в пяти шагах прямо перед лошадью Железнодорожного, выбив фонтан песка, который полетел в лошадей и офицеров. Офицерские лошади испугались, шарахнулись, а лошадь Эйнца фон Эрлихенгена так и вовсе встала на дыбы, а когда всадник утомил ее, так еще и взбрыкнула. От этого всего у Железнодорожного слетел с головы берет. Кто-то из адъютантов спешился, поднял и передал головной убор генералу. «А! Так ты еще и лысый!» Волкова почему-то это порадовало, он даже засмеялся. «Лысый черт».

А полукартауна тем временем опять заставила его вздрогнуть, снова оглушительно ахнула, отправив злой свинец на тот берег реки.

На этот раз свинец не нашел столько крови, сколько было в первый и второй раз, но людишки падали, корчились. Мало, но ничего. Волков знал, каково ходить под пушечным огнем. В крепостях сидел, крепости штурмовал. Стоишь иной раз у крепостного зубца с арбалетом и ждешь выстрела большой осадной пушки, гадаешь, куда следующее ядро полетит. Выше, ниже тебя, в стену шлепнет, разбивая кирпичи, к соседу полетит или к тебе. Убьет сразу или оторвет ноги. Даже вспоминать то неприятно, мороз по коже. А если уж в первый раз под пушки попал, то совсем человеку плохо. Защиты ни от ядра, ни от крупной картечи нет, никакой доспех от них не спасет, ни умения твои тебе не помогут, ни храбрость, надежда только на молитву. Надейся, что Бог тебя услышит. Вот и все, оттого ноги подкашиваются и появляется желание спрятаться, сбежать.

Суетятся мужики на берегу, сержанты да офицеры их успокаивают, но даже отсюда видно, что вражеские солдаты готовы кинуться вверх по берегу, туда, где картечь их доставать не будет. «Да, если хамы первый раз под пушки попали, им не позавидуешь». Впрочем, ему ничуть не жаль этих людей. Совсем не жаль. Он неотрывно смотрит на тот берег и хочет, чтобы как можно больше их корчилось на песке. «Что, быдло взбесившееся, страшно? Это вам не навоз по огороду раскидывать. Бойтесь, картечь не помилует. Это хорошо, хорошо... Вот вам за Увальня, за Бертье, за Гренера, за всю вторую роту. Жрите».

А пока полковник с удовлетворением глядел, как раненых хамов уносят, на том берегу появились и рыцари. И сразу же Железнодорожный махнул рукой: переправляйтесь.

Рыцари один за другим стали спускаться к воде.

– Наглецы какие! – с неприятным для Волкова восхищением произнес Пруфф.

– Как до середины реки доедут, так бейте по ним, – сухо бросил в ответ полковник.

– Кулеврины, по кавалерам – пали по готовности! Только цельтесь, ребята, цельтесь хорошо.

Первый рыцарь уже заезжает в воду, они и вправду не спешиваются. Волков, наверное, слез бы и шел, аккуратно нащупывая дно.

– Палю... – кричат один за другим канониры небольших пушек.

И опять звонко и не так уж громко, по сравнению с полукартауной, одна за другой хлопают кулеврины.

Может, то было военное везение, может, Бог был к кавалеру благосклонен, а может, канониры уже наловчились стрелять точно в цель, но первое же ядро оторвало голову коню, на котором ехал первый всадник. Голова отлетела в сторону, а сам конь вместе со всадником свалился плашмя в воду. Всадник скрывается под водой, только копыта конские из-под нее торчат. «Вот, а я бы пешим шел, коня в поводу вел. А ты барахтайся теперь, болван, надеюсь, ногу из стремени вытащить не успел. И тебе это за вторую роту, дай бог, не выплывешь, будешь знать, как моих людей топтать». И никакого снисхождения не было у кавалера к тому рыцарю.

Служили они хамам, топтали его людей, так еще и еретиками были, скорее всего, – пусть хоть все потонут.

Другие рыцари прыгивали тем временем с коней, кидались на помощь к своему товарищу.

- Пруфф, бейте по ним, бейте из полукартауны, пока в кучу съехались, хорошо же стоят.
- Картечь мелкая, далеко для нее, рыцарский доспех не возьмет, – сомневается капитан.
- Попробуйте. Стреляйте.
- Канонир полукартауны, пока кавалеры в кучу собрались, врежь им.
- Да, господин.

Наводчик припадает к стволу. Волков смотрит то на него, то на рыцарей, которые, к его сожалению, достают товарища из-под воды. «Да быстрее же, быстрее». Ему не терпится, но подгонять канонира нельзя, спешка только увеличит вероятность промаха. Волков молчит, хотя уже готов сам кинуться наводить орудие. Вернее, помогать. Сам, конечно, он этого делать не умеет.

Кавалеры уже вытащили своего лидера, поддерживают его. Он, стоя по пояс в воде, открывает забрало шлема, дышит...

И тут кричит канонир:

– Палю!..

Бах-х-х...

Волков уже готов был к такому громкому хлопку, открыл рот и смотрел, как густой рой мелкой картечи летит прямо к рыцарям и их коням. Свинец взметнул мелкие фонтанчики там, где и нужно было, – вокруг сбившихся в кучу рыцарей. Одна лошадь, с которой всадник прыгнул, чтобы спасти своего товарища, стала биться, а еще одна встала на дыбы, скинув седока в воду.

– Накрыл, – удовлетворенно произносит канонир, глядя на кутерьму, что началась на переправе.

Те рыцари, что еще не вошли, ждали, а те, кто уже вошел, поворачивали назад. Еще трое пешими выходили из воды, под руки вели товарища, который двигался так неуверенно, словно собирался упасть. Видно, одна из картечин нашла щель в его доспехе.

– Кажется, переправа в этом месте на сегодня закончена, – с улыбкой произнес капитан Пруфф, глядя, как, увлекаемые стремниной, на середину реки wypлывают мертвые лошади – три, одна за другой.

«Ну что ж, переправа сорвана, три лошади убито, один кавалер ранен. А главное... Главное, что у мужичья, которое торчит на берегу и все это видит, задор упал, упал. Если даже кавалеры в своей прекрасной броне не смогли на вражеский берег вылезти, то им и пытаться нечего. Тем более что потом придется лезть на укрепленный лагерь, под те же самые пушки, что так их нещадно бьют».

– Кавалер, – слышит он голос из-за плеча, Максимилиан указывает рукой на восток, на дорогу. – Колонна!

Волков вглядывается – так и есть. Люди, много, много людей. И им уже переправляться нет нужды, они уже на этом берегу и идут к нему. С барабанами, с флагами. Колонна тянется и тянется, люди выходят из утренней дымки, кавалер прикидывает: шесть сотен, семь, восемь. Они подходят ближе. Волков уже различает флаги, слышит барабаны. Все верно, он так и думал: перед сплоченными пехотными колоннами свободным строем идут стрелки и арбалетчики – по сотне тех и других.

– Развернуть пушки? – спрашивает у него Пруфф.

Полковнику очень не хочется этого делать, он боится, что, как только артиллерийский огонь будет перенесен на другую цель, с той стороны снова полезут в воду мужики или кавалеры, но, наверное, придется разворачивать.

Он не успевает ответить артиллеристу. Они оба видят, как из прохода навстречу колонне выходит... ротмистр Вилли.

Он спокойно, даже вальяжно идет вперед. Идет навстречу тысяче врагов, хворостиной похлопывая себя по сапогу, отходит от рогаток шагов на пятьдесят, останавливается и поднимает руку. Тут же за ним, быстро обходя вкопанные рогатки, выдвигаются мушкетеры.

Волков думает закричать ему, потребовать, чтобы немедленно вернулся за стену, но не успевает, Вилли отдает приказ:

– Рядами по двадцать стройся!

Два сержанта стрелков показывают подчиненным, где начинаются линии. Мушкетеры деловито встают, ставят свои сошки, кладут на них свои тяжелые мушкеты. Они готовы, фитили, привязанные к рукам, дымят. Стрелки замирают, ждут команды. Теперь Волков уже не думает останавливать Вилли, он видит, что молодой командир стрелков знает, что делать. А тот ждет. Видно, считает шаги. С какой дистанции мушкетерам открывать огонь, он знает. Враг все ближе, ближе... Двести шагов, теперь Волков уже различает офицеров и сержантов, а Вилли поднимает вверх свою хворостину. Еще мгновение, еще... «Чего он тянет? Еще полсотни шагов, и арбалетчики смогут ему ответить».

– Первая линия, пали! – кричит Вилли, делая отмашку своей хворостиной.

Дружно, с таким звуком, словно крепкую ткань порвали, прозвучал залп, окатив стрелков серым дымом. Но Волков смотрит не на стрелков и не на дым, он смотрит на арбалетчиков и аркебузирова врага, что идут в авангарде мужицкой колонны. Он видит, как десяток, а может, и вся дюжина арбалетчиков валится на влажную еще землю. Товарищи хватают упавших и стараются быстро оттащить их из-под ног надвигающейся пехотной колонны. Это был неожиданный для кавалера результат.

– Первая линия, в лагерь! – кричат сержанты. – Вторая линия, готовься!

«Ах, как это было хорошо, и не подумал бы, что на такой дистанции может быть такое прекрасное накрытие».

А Вилли снова поднял свою хворостину.

– Вторая линия, пали!

Снова рыжие всполохи, снова почти черный дым клубами. И опять валятся на землю и арбалетчики, и аркебузиры. На сей раз меньше, но все равно хорошо. Хорошо. Вторая линия уходит в лагерь...

– Третья линия!.. – кричит Вилли и... не торопится, ждет, пока враг пройдет еще десяток шагов навстречу тяжелым мушкетным пулям. Когда дистанция кажется молодому ротмистру достаточной, он кричит: – Пали!..

Новый залп, снова дым, снова удачно, снова валятся на землю враги.

Деловито и неспешно третий ряд кладет на плечи мушкеты, забирает сошки и уходит, освобождая линию огня для последнего, самого малочисленного ряда. В последнем ряду всего двенадцать человек, но, судя по всему, это лучшие люди, Волков знает пару из них – это его вчерашняя охрана.

– Разбегаются, – Максимилиан смеется, – они разбегаются!

И точно: ни аркебузиры, ни арбалетчики не желают стоять под мушкетными пулями, они разбегаются от дороги и влево, и вправо, предоставляя право получить свою порцию свинца закованному в доспех первому ряду мужицкой пехоты.

– Четвертая линия, пали! – Вилли снова машет хворостиной.

Новый залп разрывает воздух. И это был залп прекрасный.

Колонна врага построена для штурма, по шесть человек в ряд. И вот весь первый ряд, закованный в железо с головы до ног, все шесть человек как подкошенные валятся наземь. Никакая, даже самая лучшая броня не выдержит попадания мушкетной пули.

В последнюю линию стрелков Вилли и вправду поставил лучших.

Второй ряд пехоты спотыкается об упавших, мешкает, третий ряд накатывается на второй, третий пытается остановиться, но на него сзади напирает уже четвертый, сержанты бросаются исправлять дело, но колонна уже смешалась в кучу, останавливается. Мужики есть мужики. Солдаты, у которых за плечами годы войн, давно научились перешагивать через павших товарищей, не теряя темпа и не задерживаясь, чтобы оказать кому-то помощь. Главное в строю – это слушать сержанта и держать линию.

Волков бросает быстрый взгляд за реку – там все спокойно, толпа с берега еще не убра-лась, но переправляться хамы и не помышляют.

– Господин капитан, – он указывает Пруффу на остановившуюся колонну, – кажется, неплохая цель для вас.

Пруфф тут же кричит:

– Фейерверкер! Весь огонь по колонне справа!

– Весь огонь по колонне справа! – орет младший офицер. – Пошевеливайтесь, ребята, пока они кучей стоят!

Прислуга начинает поворачивать орудия, канониры целятся, все это не занимает много времени.

– Готов! Готов! – первыми кричат канониры кулеврин.

– Готов! – чуть погодя вторят канониры полукартауны.

– Так стреляйте! – разрешает капитан.

– Огонь! – кричит фейерверкер.

Хлопают кулеврины, а за ними все тем же ревушим басом ахает полукартауна. Опытные артиллеристы со ста пятидесяти шагов не промахиваются, тем более с возвышенности, тем более в огромный отряд. Ядра и картечь ложатся как надо – накрывают мужиков.

– Еще! – кричит Волков.

Результат отличный, но ему мало... Мало.

– Заряжай так же! – командует Пруфф.

И артиллеристы принимаются за свою нелегкую работу. Но... Через шлем и подшлемник кавалер слышит далекие трубы. Это не его, это у мужиков... Они играют сигнал «отходим».

«Отходим, отходим, отходим!» – несется над дорогой. И первыми приказ выполняют стрелки и арбалетчики. Они, пока пехота пытается построиться в колонну, дружно поворачивают и уходят быстрым шагом. Кому охота попасть под картечь или пули? Уходят на восток, туда, откуда пришли.

Да, колонна разворачивается, а из лагеря выбегают мушкетеры и аркебузиры. Сначала Волков не понял для чего, а потом додумался. Мушкеты и аркебузы заряженными оставлять нельзя, вот Вилли и вывел стрелков разрядить оружие вслед уходящему врагу. Дым заволок всю округу, а полковник смотрел на тот берег. Там враг убирался прочь, унося с собой раненых и убитых.

– Ну что ж, – произнес капитан Пруфф, не скрывая удовольствия, – дело, можно сказать, сделано. У врага пять-шесть десятков убитых и раненых. Надеюсь, мы поквитались за вчерашнее.

– Нет! – неожиданно резко и для капитана, и для Максимилиана, и для Фейлинга отвечал Волков.

Пруфф, как всегда, поджал губы, Фейлинг посмотрел на господина с опаской.

– Не поквитались, и десятой доли мы им не отплатили, даже за Увальня хамы еще не рассчитались. – И, видя удивленное и обиженное лицо Пруффа, уже смягчаясь, добавил: – Вы были на высоте, капитан, ваши люди стреляли отлично, победа по праву принадлежит вам и ротмистру Вилли. Всем вашим людям по талеру награды. А вам, господин капитан, гульден премии.

Пруфф, который, кажется, хотел уже, по обыкновению своему, что-то обиженно отвечать полковнику на его жесткий тон, оттаял и крикнул:

– Артиллеристы, за хорошую стрельбу полковник жалует вам по талеру!

– Слышали, ребята? – подхватил фейерверкер. – Полковник жалует каждому по талеру!

Артиллеристы радовались, а кавалер уже спускался с насыпи.

Еще недавно, часа не прошло, в лагере царила суматоха, похожая на панику, а теперь на лицах радость. Отбились, не пролив ни одной капли своей крови, хотя собиралась уже умирать. Враг даже не дошел до них.

– Славное дело, господин полковник, – закричал кавалеру один сержант, из старых людей Брюнхвальда, – умыли хамов!

Волков кивнул: «Умыли».

Люди радовались, но никто, никто из них не вспоминал вчерашнюю ночь, когда они ненавидели командующего до зубовного скрежета только потому, что он не побежал назад, рискуя обозом, а приказал строить лагерь. Интересно, сколько человек вчера ночью хотели его ударить копьём в спину или со всего размаха врезать ему по шлему алебардой? Может, даже каждый второй. А теперь вон радуются... Радуются... Полторы тысячи человек: солдат, кашеваров, саперов, возниц в лагере, – и ни один даже капли крови не пролил. Враг пришел, понюхал частокол и ушел, обливаясь кровью. И это не только потому, что он приказал ставить тут укрепление, а еще и потому, что тащил сюда свои пушки черт знает откуда вместо того, чтобы нанять кавалерию. Потому что он делал мушкеты за свой счет, потому что не жалел денег на дорогой новый порох, давая возможность и стрелкам, и артиллеристам получать навыки стрельбы. Может, кто-то скажет ему спасибо за это? Нет, не скажет, да Волков и не ждал ни от кого благодарности. Он стянул с головы шлем, снял латную перчатку, вытер лоб, лицо и подумал, что чертовски хочет есть.

Глава 5

– Господин Фейлинг, прошу собрать ко мне офицеров, денщика моего сыщите. Шуберт... – Волков заметил инженера. – Господин Шуберт!

– Да, господин полковник. – Инженер подошел к нему.

– Вы видели северную стену?

– Нет, не видел. Я не ставил ее... Я ставил...

– Стена дрянь, – отрезал Волков. – Бревна мало того что кривые, тонкие, вкопаны плохо, их рукой повалить можно, так еще и почти не окопаны. И рогатки... Рогатки у западного прохода не вкопаны, просто валяются рядом. А у южной стены ров доходит до середины.

Инженер смотрел на полковника, в его взгляде так и читался вопрос: «Да когда ж ты все успеваешь?» Шуберт вздохнул.

– Люди устали. Трудно требовать от них хорошей работы, когда они еле стоят на ногах.

– Люди устали... Люди всегда усталые. Сейчас пусть ложатся спать до полудня, а как встанут и пообедают, начинайте укреплять стены. А пока выделите мне десять человек, пусть разобьют мне шатер, но не у южной стены, там будут нужники, – у северной пусть телеги уберут и там ставят. И не у прохода, а у артиллерийской насыпи.

Инженер откланялся, а кавалер вернулся к своему столику и стулу, что так и стояли у телеги с мукой. Офицеры поспешили к нему. Ничего особенного он им не сказал, только то, что укрепления поставили быстро, и это их спасло, как спасло и наличие артиллерии. С этим были согласны все.

– Первой роте отдыхать, – продолжал Волков, – и половина стрелков пусть ложится спать. Вторая рота и вторая половина стрелков пусть выставят пикеты. Остальные тоже пусть отдыхают, но чтобы были все вместе и доспехов не снимали.

– Да, господин полковник, – отвечали офицеры.

– Да, кстати, капитан Рене, прикажите возничим уменьшить расход овса, они лошадей одним овсом кормят, так у нас фураж через неделю закончится. Овса, пока стоим, лошадям не давать, овес только на марше. Пусть косят траву, врага рядом нет, а травы вокруг много, она хороша.

– Будет исполнено, – отвечал капитан Рене.

– Господа, я больше вас не задерживаю.

Но, прежде чем офицеры начали расходиться, заговорил командир кавалерии ротмистр Гренер:

– Господин полковник, а что делать с дезертирами?

Офицеры остановились, а Волков спросил:

– А... Значит, наловили за ночь? Много ли?

– Девятерых. Почти всех поймали на западной дороге. Один думал бежать на юг, через овраг.

– Ага, и кто они?

– Двое возниц, кашевар, два сапера, один из стрелков, трое солдат из роты господина капитана Рене.

– А что тут думать? Господин Рене. Вы, как комендант лагеря, надеюсь, решите это дело.

– Я? – с удивлением спросил Рене.

И не сам вопрос, хоть и он был дурацкий, а вот это вот глупое удивление в голосе капитана взбесило Волкова, он потемнел лицом и холодно, едва сдерживаясь, чтобы не заорать, спросил:

– А не вас ли я назначил комендантом лагеря?

– Да, конечно... – промямлил Рене. – Но как я должен решать это...

– Как? – еще сильнее свирепея, прорычал полковник. – Как обычно, подняв и скрестив оглобли телег или вовсе перебросив веревку через забор. Помните, как я повесил любовника своей жены? Вот точно так же. Вербки в обозе были.

– Да, но нужно посоветоваться с воинскими корпорациями, – продолжал комендант лагеря.

– Нет, не нужно. – Волков вскочил так, что и стул, и стол разлетелись в стороны. – Не нужно! Мерзавцы бежали в ночь перед боем, сие есть трусость! Какие еще тут нужны советы с корпорациями? – Он подскочил к Рене, схватил того за железный налокотник, подтянул к себе и зашептал зло ему прямо в лицо: – Вам придется их повесить, придется, иначе люди при любой опасности станут от нас бежать, а уж если боитесь сами казнь командовать, так найдите другого, вы старший после меня офицер, опорой мне должны быть, но вы не опора, а... Вы комендант лагеря, не забывайте об этом, дорогой мой родственник.

Гюнтер уже поставил стул и стол, Волков устало уселся на место, на его лице еще читалось раздражение, и он, почти с презрением глядя на Рене, сказал:

– Капитан, подготовьте мне письменный приказ о казни дезертиров, я подпишу, раз уж для вас сие затруднительно. А казнь должна состояться немедленно после подписания.

– Будет исполнено, – отвечал Рене.

Офицеры разошлись, а умный денщик тотчас поставил на стол перед господином стакан с вином. Вино было очень кстати.

– Есть ли у нас еда? – спросил денщика Волков, беря стакан.

– Нет, ту, что была вчера, господа офицеры всю съели ночью. Велю повару приготовить для вас что-нибудь.

– Долго. Ступай посмотри, кто-то из солдатских поваров тушил ночью бобы с солониной и мучной подливой. Найди, если остались. Но сначала принеси мне письменные принадлежности.

Слуга сразу исполнил поручение, и, допив вино, Волков разложил лист бумаги и обмакнул перо в чернила. Мгновение или два думал, что писать.

Слава богу, мужичье предприняло попытку атаки лагеря, иначе его рапорт оказался бы весьма унылым. И он начал:

«Милостивый государь, господин маршал, с прискорбием сообщая вам, что приказ ваш о постройке лагеря на северном берегу реки Линау, восточнее Бад-Тельца, выполнить мне не довелось. Переправиться я не смог, так как враг ждал меня у бродов силами немалыми, в две с половиной – три тысячи пеших, не считая стрелков, арбалетчиков и кавалеров, и, не дав мне перестроиться из походных колонн, атаковал мой авангард с двух направлений».

Писать, что врага он видел чуть более двух тысяч и что он по недосмотру Гренера-старшего угодил в засаду, Волков не собирался.

«Устоять мне удалось, и главное – удалось сохранить обоз. Бежать я не думал, хотя многие меня о том уговаривали. За ночь поставил лагерь на южном берегу Линау, прямо на дороге, в месте удобном, у первого брода. Лагерь мой уже на заре пришли брать мужики снова, но тут Господь не позволил понести мне многих потерь. Но все равно за два дня я потерял не менее семи сотен своих солдат мертвыми, побитыми и беглыми и полторы сотни саперов. Силы мои теперь малы, а у врага велики, посему прошу вас, господин маршал, с приходом не тянуть, а идти сюда, как уговорено.

*Милостью Божьей кавалер и полковник,
Иероним Фолькоф фон Эшбахт».*

Прочитал дважды. Вышло вроде хорошо, можно было отправлять.

- Максимилиан!
- Да, полковник, вызвать из кавалерии посыльного? – сразу догадался знаменосец.
- Вы спали сегодня ночью? – спросил у него кавалер, заглядывая молодому человеку в лицо.
- Да, как вы легли, так и я.
- Хорошо. – Волков немного помолчал. – Возьмите у Гренера одного человека, что поумнее, себе в помощь. Езжайте в Нойнсбург. Отдадите письмо маршалу.
- Я? – удивился Максимилиан. – Вы уверены?
- В глазах молодого человека кавалер видел удивление.
- Да, уверен. Объясните, что сил у меня немного, но пару дней я продержусь, если у хамов нет пушек, конечно.
- Вас оставлять не хочу.
- Послушайте меня, отдадите письмо маршалу, а сами летите в Ланн со всей возможной поспешностью.
- В Ланн? – Максимилиан еще больше удивлялся. – За мушкетами?
- За Агнес, – ответил Волков и, пока молодой человек ошарашенно молчал, продолжил: – Везите ее сюда, и побыстрее.
- Но...
- Ни о чем не спрашивайте. Сегодня остановитесь в Бад-Тельце, как следует отдохнете, завтра днем будете у фон Бока, еще день – и вы в Ланне, постарайтесь только коней не загнать. Скажите Агнес, чтобы летела сюда, она мне очень нужна.
- Ясно, – сказал Максимилиан, пряча письмо к маршалу в потрепанный рукав колета.
- Волков протянул ему десять талеров.
- Тому, кто с вами поедет... заплатите ему столько, сколько сочтете нужным, но помните, что Агнес мне тут очень нужна, жду вас через пять дней.
- Меньше всего Максимилиану хотелось видеть эту необычную девицу, уж лучше под градом пуль и болтов сидеть за щитом на берегу и стрелять в мужиков, чем ехать за ней, но раз сеньор просит, значит, это важно и это нужно сделать.
- Я привезу ее, кавалер. Не сомневайтесь.
- Волков обнял его. К Брюнхвальду Бог был милостив, раз дал ему такого сына.
- Скажите.

Хоть Волков и устал, и шатер ему уже поставили, но спать он не ложился. Ему все не давал покоя один вопрос. Он никак не мог понять, где могла прятаться рота мужиков, которая напала на вторую роту. Ответ был один: в леске, что тянется вдоль реки.

С двумя стрелками и Куртом Фейлингом кавалер покинул лагерь и отправился на то место, где дралась вторая рота, а там долго бродил по зарослям. Там так и лежали павшие солдаты, причем как его, так и мужицкие. Их, конечно, было много меньше, чем тех, что лежали дальше по течению, тех, что были в третьей роте. Но все равно. Это был непорядок, в котором виноват Рене. Почему он оставил мертвых валяться в лесу? Почему не забрал? Но сейчас не это занимало мысли Волкова.

Он осматривался и убеждался, что именно тут и прятались сотни мужиков. А кто еще мог вытоптать все вокруг, кто затоптал весь берег следами тяжелых солдатских башмаков? Его лагерь находился прямо над этим местом. Кашевары ходили к реке за водой, собирали тут хворост и дрова, солдаты рубили лес для частокола, но ему казалось, что все это было западнее. Или все-таки его люди оставили все эти следы?

В общем, этот осмотр ему не много дал. Волков вернулся в лагерь и позвал к себе заспанного Гренера.

- Вы сказали, что всё вокруг просмотрели, а лес, что ниже лагеря, у реки, осматривали?

– Первым делом, он же рядом с переправой, – отвечал молодой ротмистр.

– И ничего там не видели? Там же все вытоптано, там до сих пор следы кованых башмаков на мокром песке видно.

– Я там не был, я ехал по другой стороне, что у оврага. Я и мои люди осматривали овраг.

– Мне нужны те солдаты, что осматривали лес у брода. Хочу поговорить с ними.

Гренер взглянул на командующего и ответил:

– Те солдаты уехали на тот берег... С отцом.

Волков вздохнул.

– Хорошо, ступайте отдыхать. – И после крикнул: – Господин Фейлинг, коменданта Рене ко мне!

А пока Рене не пришел, Волков всё думал о засаде и о следах в леске у реки.

Родственник, кажется, тоже спал.

– Вы меня звали, полковник? – А в глазах его читался вопрос: «Господи, что ж тебе не спится? Ты же тоже не спал почти сутки».

– Я был в лесу, что у брода, – сказал ему Волков, – там видел наших мертвых солдат.

– Видно, сержанты в темноте не доглядели, – отвечал Рене.

«В темноте? Бой закончился, когда сумерки лишь опускались, ночь еще не пришла. Просто лень было тащить».

– Как ваши люди проснутся, распорядитесь собрать павших и похоронить, и третью роту тоже.

– Третью роту тоже? – переспросил Рене.

– По-вашему, их хоронить не нужно?

– Нет, нужно, конечно, нужно, но я думал, что это могут сделать саперы, – попытался возразить капитан.

«Нет, это сделаешь ты».

– У саперов есть дела, на них могут напасть. Возьмете телеги, соберете павших и похороните их рядом с лагерем, у дороги.

– Как прикажете. – Рене поклонился.

Когда он вышел, Волков вдруг почувствовал, как устал за последние дни. Лечь, лечь и позабыть про все дела, больше ему сейчас ничего не хотелось. Он позвал Фейлинга и денщика.

– Курт, Гюнтер, помогите мне снять доспех.

– Конечно, кавалер, – отвечал ему молодой человек.

Пока с Волкова снимали латы, он почти заснул, но даже сейчас думал над ситуацией: «Все непонятно, непонятно... Хорошо, что я послал за Агнес».

Глава 6

Встал Волков глубоко за полдень, когда солнце уже к вечеру покатилося. Повара к тому времени уже приготовили ему отличную похлебку из хорошо вываренной курицы, жареного лука и клецок, все это с кореньями, травами и вареными вкрутую яйцами. Клецки – жратва мужицкая, но кавалеру очень понравилась похлебка. Пока Гюнтер раскладывал на ковре чистую одежду и приносил горячую воду, он съел две полные чашки, закусывая свежим солдатским хлебом, запивая все это хорошим пивом, после которого стакан прилипал к рукам. Выспался, поел, помылся, надел чистую одежду. Вроде все хорошо, но как увидел в руках Фейлинга правый наплечник, так сразу помрачнел. Эта часть доспеха сзади была смята, вывернута, тончайший узор вмят сильным ударом.

– А что со шлемом? – спросил он оруженосца, жестом прося того подать этот предмет.

Шлем был не лучше наплечника: левая сторона вся разбита, крепление забрала слева держится каким-то чудом. Волков и вспомнить не мог, когда его так колотили, конечно, то было на берегу, но... Горжет помят, правое «плечо» повреждено, правый наколенник тоже искривлен, даже пробит в одном месте, кираса на груди, там, где как раз самый красивый узор, истыкана вся, словно с ней забавлялись, нанося по узору удары чем-то острым. А на ваффенрок и смотреть нельзя. Дорогой шелковый ваффенрок был бурого цвета от грязи и засохшей крови, ни единого белого или голубого пятна, сплошь бурый с черным. В руке такой и держать неприятно.

– Что ж ты мне его не постирал? – с досадой спросил Волков у денщика.

– Вы же мне сказали, что доспех – дело оруженосца, – отвечал тот растерянно. – Я думал, это тоже его дело.

– Постирай, если, конечно, получится, – сказал кавалер, кинув некогда прекрасную вещь Гюнтеру.

Кое-как с помощью Фейлинга надел мятые и битые доспехи, опоясал себя обломанным мечом и вышел из шатра.

Слышался стук топоров, кавалер под них и проснулся. Волков знал, что лагерь живет, но был приятно удивлен. Видно, беседы с Рене не прошли даром, родственник старался укрепить и обустроить лагерь по мере сил. Телеги уже не стояли где ни попадя, их собрали в юго-западном углу, сняв с них часть поклажи и сложив ее рядом. Да и весь другой провиант и фураж не валялся как попало по всему лагерю. Нужники оборудовали за южной стеной, как и хотел Волков, у оврага. Лошадей держали отдельно, для них сооружались загоны вдоль всей северной стены. Через западный проход в лагерь въезжали телеги, груженные свежескошенной травой, почти у шатра командира кашевары сложили большую гору собранного хвороста и снова разжигали костры, готовя ужин для солдат и всех остальных. В общем, в лагере стал возникать хоть какой-то порядок. Но не это сейчас волновало полковника, ведь порядок – хорошо, но главное в его положении – это укрепления. Он отлично это понимал, зная, что у хамов людей в три, а может, и в четыре раза больше. Волков с Фейлингом и двумя стрелками, что охраняли шатер, вышли из лагеря через восточный ход. Почти сразу за рвом кавалер увидел свежие холмы братских могил, которые появились, пока он спал.

– Быстро комендант управился с похоронами, – сказал он негромко, останавливаясь у могил.

– Много людей побито было, – отвечал ему один из стрелков. – Устали мертвых укладывать.

– Не вздумайте раскисать, – строго велел Волков, покосившись на стрелка. – За павших еще отомстить надобно будет.

– Нет, господин, не волнуйтесь, мы понимаем, – отвечал ему солдат. – Мы всё понимаем – слабину давать никак нельзя. Ежели слабину дашь, так сам под такой холмик уляжешься.

Волков молча кивнул ему и пошел осматривать укрепления. Повернул налево, уж больно ему не давала покоя северная стена, та, за которой была река. Тут не очень весело ковырялись саперы, тут же был и инженер Шуберт. Он сразу подошел к полковнику.

– Стену укрепим и ров углубим, до сумерек дойдем до половины стены.

Волков присмотрелся. Да, во рву сделали подъем более крутой, тут и без противодействия защищающихся на него не просто взобраться. Хорошо. В частокол ставили подпоры, стена стала крепче. Теперь она уже не смахивала на старый покосившийся деревенский забор. Теперь в лагерь с севера можно было войти только по удобной тропинке, что вела к узкому проходу, который было нетрудно оборонять.

Не сказать, что ему все нравилось, но перемены к лучшему были заметны.

– Вы вкопали рогатки у западного въезда? – спросил кавалер, идя вдоль рва и оглядывая частокол.

– Нет, – Шуберт семенил рядом, – я думал, что эта стена важнее.

– Снимите людей, поставьте частокол до заката, а со стеной закончите завтра.

– Как прикажете, господин полковник. Сейчас же все сделаем, – пообещал инженер.

Волков обошел свой немаленький лагерь по периметру – везде суета, работа кипит, несмотря на приближение вечера. Он был удовлетворен тем, как менялась обстановка. Он видел, что за пару дней все будет приведено в полный порядок, лагерь станет укрепленным и удобным, обоз с провизией и фуражом сохранить удастся, и у фон Бока будет меньше причин упрекать кавалера.

Вечером, когда уже стемнело, он обедал с офицерами, отдавал приказания о пикетах и ночных разъездах и говорил о том, сколько солдат и из каких рот оставить в охранении. Также просил Рене поутру снять повешенных дезертиров, так как, скорее всего, утром Гренер и его кавалеристы наловят новых. А после ужина пошел спать и спал отлично, так как до самого утра его никто не потревожил.

Утром Волков, ожидая завтрака, долго разглядывал выстиранный ваффенрок. Стирка мало помогла: дорогая ткань так и не вернула своего цвета и казалась серой, бурой, да какой угодно, но уже не бело-голубой, а еще вся была испещрена дырами. Даже нищему такое носить стыдно. Пришлось ходить в доспехах, ничем не прикрывая их.

Кавалер прошелся по лагерю, поговорил с офицерами. Все шло хорошо, солдаты и саперы знали, что им делать. Укрепления становились лучше с каждым днем, Гренер поймал лишь двух дезертиров. Это был хороший знак, людишки почти уже не бежали. Этих двоих мерзавцев быстренько и без особых церемоний после короткой исповеди повесили на заборе, на освобожденных утром местах.

Пока дезертиров вешали, Волков думал о том, что Максимилиан уже должен быть в Нойнсбурге, если, конечно, не встретил армию маршала уже на пути к лагерю. Что ж, как бы там ни было, его знаменосец должен уже свернуть к Ланну и завтра оказаться там. «Что ж, если они поторопятся, Агнес прибудет через три дня, ведь кони в ее карете неплохие».

Кажется, Волков никогда ее так не ждал. Мало того, в последнее время ему все меньше и меньше хотелось видеть девушку. Нет, он, конечно, ее не боялся, но она держала его в напряжении, словно противник, что ждет удобного случая для атаки. А еще он ожидал неприятностей, которые рано или поздно она может ему доставить. Но сейчас, сейчас она оказалась очень ему нужна, он чувствовал, что только эта хрупкая девочка с тяжелым и крепким, как люцернский молот, характером способна ему помочь. Он нутром это чувствовал. А как иначе? Ведь не зря хитрый жид уговаривал его взяться за это дело, считая, что дело это нечистое. Теперь Волков и сам так думал.

В общем, день прошел в мелких делах и заботах. Если не считать того, что кавалер просил Гренера проехаться до второго брода, посмотреть да послушать. Тот со своими людьми прокатился, постоял у тихого брода, но ничего там не увидел: ни пикетов, ни застав, ни даже следов мужичья.

Так день и миновал, а как стемнело, кавалер с удовольствием снял доспехи и лег спать.

– Господин, господин! – Гюнтер, держа в одной руке лампу, тряс Волкова свободной рукой. – К вам человек.

– Что? Какой человек? – не сразу сообразил кавалер. – Утро уже?

– Ночь, господин, ночь... К вам солдат пришел.

– Солдат? Зови, – приказал он, садясь на кровати.

Солдат вошел в шатер, с интересом осматриваясь.

– Ну, что случилось?

– Сержант к вам послал... Шум, господин. Кажись, мужики пошли куда-то.

– Пошли? Куда пошли?

– За рекой, господин, кажется, идут... куда-то...

– А ты из какого пикета?

– Мы тут внизу под лагерем у речки стоим.

– И что, шум слышите?

– Ага. Топочут.

– Много их, куда идут, лошади есть, телеги есть?

– Так разве в темноте разглядишь... – Солдат разводил руками. – Может, есть телеги, а может, нет.

Понимая, что большего он от дурака не дождет, Волков приказал Гюнтеру:

– Одежду давай и Фейлинга буди.

Сам кавалер, Фейлинг, два стрелка охраны и солдат спустились к реке, тут и был пикет из четырех солдат и двух стрелков.

– Ну, что звали?

– Господин, – заговорил сержант из стрелков, – невдалеке за рекой дорога есть, по ней отряд прошел. Все слышали шум тихий.

– Огни были?

– Нет, только звуки. Люди шли, люди с железом.

– А сейчас есть звуки?

– Так послушать надо, – отвечал сержант.

– Тихо всем, – приказал Волков и стал прислушиваться.

Не то чтобы он слышал что-то отчетливое, но какой-то несвойственный ночи шум был. Да, был. То ли древко копья или пики трется о кирасу, то ли башмаки по дороге стучат. Не разобрать, дорога-то не у самой реки. Солдаты и полковник прислушиваются и вдруг слышат тонкий писк. Волкову подумалось, что такой звук и показаться мог, но один из солдат тут же сказал:

– Телега. Телега скрипнула колесом.

– Точно, и телега перегруженная, – поддержал его другой. – С обозом идут.

– Может, то мужик какой местный, – предположил третий.

– Ага, мужик, – тут же взяли под сомнение его мысль другие, – в полночь-то. Траву косил до луны.

Теперь у Волкова сомнений не было, враг куда-то выдвинулся, скорее всего, на запад. Зачем? Эх, как жаль, что разведку он организовать не смог. Толковых людей для этого у него не было. Не мальчишку же Гренера отправлять на опасное дело. Он не стал дальше прислушиваться, а поспешил вверх, к лагерю.

У входа кавалера встретил молодой ротмистр Мальмериг, дежуривший этой ночью с сотней солдат из первой роты.

– Господин полковник, что-то произошло?

– Пока неясно, за рекой отряд хамов с обозом пошел на запад.

– Хотят обойти нас и ударить с двух сторон?

– Я бы так и сделал, уж на две стороны пушек нам не хватит. Но... Мы сильно укрепили лагерь. Попытка штурма таких укреплений закончится для них большой кровью.

– Может, поднять людей? – предложил Мальмериг.

– Пока не нужно, – ответил полковник и пошел в свой шатер.

Спать он больше не собирался, какой теперь сон. Фейлинг и Гюнтер помогли ему облачиться в доспехи. После, взяв с собой десяток стрелков с сержантом, Волков обходил и проверял другие посты и пикеты. Сам обходил, сам хотел убедиться в том, что все тихо. И успокоился, только когда на востоке, и на западной дороге, и в южном овраге у отхожих мест все оказалось в порядке. Солдаты везде бодрствовали и ничего подозрительного не слышали. Он еще раз спустился к реке, долго вслушивался, но ничего уже больше не услышал. Вернулся в лагерь, когда солнце на востоке уже слегка осветило верхушки деревьев. В мае солнце раннее.

Весь следующий день он изводил и солдат, и офицеров дальними вылазками и разъездами. Все никак не мог понять, куда же шли ночью мужики, и это его сильно тревожило. Очень ему нужно было знать, где враг. Поэтому к полудню, не дав ни солдатам, ни офицеру пообедать, Волков отправил почти всю свою кавалерию с Гренером во главе, две сотни людей из первой роты с ротмистром Хайнквистом и полсотни стрелков по западной дороге с наказом все осмотреть, но при малейшей опасности бегом возвращаться обратно. Около часа с волнением ждал разъезды, и когда они вернулись, то сообщили ему, что в округе ни единой души, даже заблудшего мужика на дороге не видели.

Нет-нет, что-то тут было не так, не один он слышал, что ночью кто-то на том берегу реки куда-то двигался. А тут вдруг врагом и не пахнет, словно и не было его никогда.

«Максимилиан уже сегодня должен быть в Ланне и сегодня же выехать с Агнес обратно. Два, ну или три дня – и он привезет ее сюда. Господа молю, чтобы за эти три дня ничего не произошло».

А уже ближе к вечеру на западной дороге появились два всадника. То были гонцы, от маршала письмо привезли. Письмо было коротким и злым:

«Господин полковник Фолькоф, то было моей стариковской ошибкой на столь важное дело посылать такого неумелого человека, как вы. Вы бахвалитесь и выставляться мастер, в одежды царские рядиться хороши, но как до дела, так и лагерь вы ставите не там, где велено, и людей ваших мужицкий сброд побивает крепко. Теперь хамы знают, что мы пришли, и тайно, без боя, переправиться на тот берег нам не дадут. И в том ваша заслуга.

Что обоз вам удалось сохранить, так это чудо, равное чуду Рождественскому. За чудо сие Господу молюсь неустанно. Теперь уж держитесь крепко в лагере своем, раз встали, ландскнехты сегодня подошли к нам, более ждать нет нужды. Я уже завтра со всеми силами выступаю к вам. Берегите обоз и лагерь, без них кампании не быть. Да хранит вас Господь».

Кавалера едва не перекосило от презрительного и насмешливого тона письма. Но что делать, если по сути фон Бок был прав. До самой ночи, даже за ужином, Волкову вспоминались ехидные слова командира, так у него аж аппетит пропал. Но он был рад, что армия уже вышла. Если письмо было подписано числом позавчерашним, значит, сегодня фон Бок уже должен

подходить к Бад-Тельцу, а завтра к вечеру быть тут. «А там Максимилиан и Агнес привезет. Дальше легче будет». В этом он был уверен, а пока ему нужно удерживать лагерь. Может, поэтому кавалер в который раз перед сном отправился обходить укрепления.

И опять спал он беспокойно, просыпался, прислушивался к звукам, что доносились снаружи. Ждал и боялся услышать крики «к оружию!». Но ничего подобного не слышал и снова засыпал сном неглубоким, чтобы, встав утром, проверять все вокруг и волноваться.

Когда приехали к нему вестовые, от маршала письмо привезли, надо было о своих волнениях и о том, что он слышал ночью, как отряд мужиков шел по тому берегу реки на запад, фон Боку написать. Но Волков не стал, чтобы старый ехидный маршал над его страхами и слухами снова не насмеялся. Напиши он о том, может, тогда все вышло бы по-другому, но кавалер не написал, и вышло все так, как вышло.

В два часа пополудни прибежал к нему солдат от западного прохода и доложил, что четыре кавалериста прискакали и просят полковника. Он сразу пошел к западному проходу, там и увидел четырех запыленных кавалеристов на сильно уставших конях.

– Кто старший? – спросил у них полковник.

– Я, господин, – отвечал один кавалерист с седыми усами.

– Говори.

– Господин, беда, колонна наша атакована мужичьем на марше. Маршал ранен был почти сразу. Построиться в боевые порядки никто не успел, колонну рассекли на две части. Откуда взялись – непонятно.

«Похоже на то, что и с нами было». Волков слушал дальше, холодея сердцем.

– На аррьергард сразу наехали рыцари, смяли его, сразу за ними навалилась пехота. Полковника фон Клейста убили. Людишки побежали сразу, кто не сбежал, тех порезали всех. Наш аррьергард был разбит и развеян сразу, и получаса не прошло. Авангард и центр колонны пытались строиться, но их непрерывно обстреливали, ранили полковника Эберста, а потом и авангард атаковали, а мужиков было много, не менее трех с половиной тысяч.

«Вот куда они шли ночью. Решили с лагерем не мучиться, людей на частокколах да на рогатках под картечью не гробить, а нанести удар нашим главным силам на марше. Вот тебе и быдло, вот тебе и нелепые мужики. Разбивают нас по частям. Но как они узнали, что фон Бок вышел? Неужто у них шпионы так хороши, что всё знают, что в округе творится?»

Волков был в растерянности. Не могло быть правдой то, что железнорукий предатель, мужицкий генерал, лучше многоопытного фон Бока. И он продолжал слушать.

– Полковник фон Кауниц смог построить пару рот и пытался мужиков оттеснить.

– И что? – спросил кавалер.

– Дальше мы не знаем, нас позвал генерал фон Беренштайн, приказал ехать к вам.

– Ко мне? Зачем?

– Он приказывает вам со всеми возможными силами идти к нему на помощь.

Тут кавалер и призадумался. Лошади у кавалеристов все в пене, их гнали, не жалея.

– Сколько же вы ехали сюда? – спросил Волков.

– Два часа, господин.

Два часа? Значит, пехоте идти до места боя часов пять. Только к ночи поспеет. К этому времени фон Беренштайн либо сам отобьется, либо уже будет разбит. А Волков со своими людьми еще и рискует сам попасть под удар мужицких колонн. Зачем же такой приказ отдавал генерал фон Беренштайн?

Волков посмотрел на усатого кавалериста внимательно, спросил как бы между прочим:

– А маршал, говоришь, ранен?

– Да, говорят, пуля пробила горжет, угодила ему в шею. Крови было много, как бы не помер старик, – отвечал кавалерист.

– И приказал мне выступить не он, а генерал фон Беренштайн?

– Да, господин.

– И письменного приказа ты не привез?

– Нет, господин, где там было приказы писать, бой шел вокруг. Генерал на словах приказ отдавал.

Волков поднял руку, чтобы привлечь внимание своей охраны, а затем указал на кавалеристов пальцем:

– Арестовать их.

Кавалеристы удивленно переглянулись, а усатый спросил:

– Господин, за что?

– Вас я не знаю, – отвечал ему полковник, – а подпись маршала фон Бока на приказе крепко держать лагерь и охранять обоз мне известна. Посидите, пока все не прояснится, под стражей.

– Господин, а кони наши? Их покормить нужно, расседлать.

– За них не волнуйтесь.

Глава 7

Растерянность, вернее, озадаченность и заставила его сначала ходить из стороны в сторону вдоль загона для коней, поглаживая морды, которые те доверчиво тянули в надежде получить какое-нибудь лакомство. И солдаты, и возницы поглядывали на командира с видимой тревогой. Он замечал их взгляды и понимал, что это нехорошо. Командир не должен вида иметь озадаченного, растерянного или испуганного. Даже в самой плохой ситуации вид старшего должен внушать людям надежду. Чтобы не волновать людей своим поведением, Волков ушел в шатер.

И что ему было делать, опять посылать Гренера с кавалерией проверить слова прибывших? Так они вернутся лишь к ночи. Да еще и вовсе, может, не вернутся. Идти самому с крепким отрядом? Нет, это исключено. Он не покинет лагерь и не выведет отсюда людей, пока не будет понимать, что происходит. Но что-то говорило кавалеру, что приехавшие кавалеристы не врут, там, в двух часах езды на запад, идет бой. Мужики Железнодорожного и вправду напали на колонну маршала. Уж больно похож был рассказ кавалеристов на то, что произошло с его собственным полком.

«Да, а если я тут сижу, а фон Беренштайн ждет моей помощи и, не получив ее, будет разбит и рассеян? Тогда... Тогда я останусь один против всех сил хамов». От такой мысли Волков вскочил, сжал кулаки. Правильно он сделал, что ушел в шатер. Люди его точно стали бы волноваться, если бы увидели его сейчас. «Как этот Железнодорожный так все смог рассчитать? Как все устроил? Словно читал записки Цезаря, который учил, что врага лучше бить по частям, не давая ему собраться в единое целое? И словно предвидел каждый наш шаг. Он непрост, нет, непрост. Хорошо, очень хорошо, что я позвал сюда Агнес».

Все эти мысли испортили Волкову аппетит, на который в прошлом он почти никогда не жаловался. Чего уж греха таить, он волновался всерьез, ведь дело-то нешуточное. И хуже всего, что в положении его было слишком много неопределенности. Он даже и представить не мог, что после сегодняшнего ловкого маневра с побитием фон Бока еще может выдумать Эйнци фон Эрлихенген. «Черт железнодорожный, что же ты дальше делать собираешься?» Волков лениво ковырял ложкой свою еду. Повара расстарались: яйца, печенные в углях с карамелизированным луком и тмином, заяц в винном соусе, сдобный жирный хлеб, – есть бы и есть, а он в прекрасных жидких желтках ложкой поковырялся, хлеба отломил и стал пить пиво. Наелся. Редко такое бывало. Еду кавалер, как и всякий бывший солдат, которому пришлось поголодать в осадах, всегда ценил. После встал и вышел из шатра, не вмоготу было сидеть там одному. Ходил по лагерю в плохом расположении духа, искал всякое дурное в его устройстве и к кому бы прицепиться, чтобы отчитать.

Офицеры и инженер Шуберт уже прятаться от него стали, а тут на дороге, опять с запада, появились всадники. То оказался Мильке, адъютант маршала, с охраной. Мильке был сравнительно молод и заносчив согласно занимаемой должности. И он принес полковнику вести и успокоение. Волкову Мильке не нравился, но сейчас кавалер был ему очень рад, даже коня придерживал сам, пока усталый адъютант слезал на землю.

– Генерал фон Беренштайн вернулся в Бад-Тельц, где сейчас находится и маршал фон Бок и другие раненые, – сразу начал Мильке.

– Как здоровье маршала? – вежливо поинтересовался Волков.

– Лекари говорят, что выживет, но крови потерял он немало, да и лечение не будет скорым. Лекари долго не могли достать пулю.

Волков изобразил на лице, насколько умел, соболезнующую мину. А адъютант продолжал:

– К вам, Фолькоф, со своим полком идет полковник Эберст.

– Я слышал, он тоже ранен.

– Ранен, но не сильно. А вот полковник фон Клейст убит. И два его лучших капитана Ганзо и Рейнер тоже убиты. Чертово быдло выскочило на нас из какого-то чахлого лесочка как бешеное. Они сильно потрепали наш арьергард, где и был полк фон Клейста. Ударили его с двух сторон и давили до тех пор, пока фон Кауниц не построил свои роты и не отодвинул их. Но от полка фон Клейста мало что осталось. Те, кого не зарезали, разбежались по округе. А весь обоз, что был с нами, разорен. Оставшиеся люди идут без хлеба, без палаток и даже без котлов.

– У меня тоже большие потери, – сказал полковник. – Вторая рота погибла полностью, половина кавалерии сгинула на том берегу, и, главное, много офицеров выбыло из строя. Но обоз я сохранил, провианта нам хватит.

Они пошли по лагерю к шатру кавалера.

– А что с вашим прекрасным доспехом? – заметил адъютант, разглядывая латы Волкова, которые теперь не были прикрыты тканью ваффенрока. – Кажется, в прошлый раз, когда я вас видел, они выглядели лучше.

– Боюсь, что так хорошо они уже не будут выглядеть никогда.

– Вижу, вам и самому непросто пришлось. – Мильке щелкнул пальцем по гнутому наплечнику.

– Была пара мгновений, когда я прощался с жизнью, но у Господа на меня, видно, другие планы.

– Что ж, таково наше ремесло. Фон Клейст был моим хорошим приятелем, а теперь его нет.

– Очень жаль, да примет Господь его душу, – произнес кавалер. – Прошу вас, адъютант, в мой шатер, я не стал есть обед, он остыл немного, но, думаю, разогреть мы его не будем.

– Я не ел со вчерашнего вечера, так что ваш обед я стану грызть, даже если он покрыт льдом, – заверил кавалера Мильке.

Они укрылись в шатре, где принялись за остывший обед, перед тем помянув павших товарищей. Мильке ел с великим удовольствием.

– Господь всемогущий, ваш повар колдун.

– Что, у маршала повар хуже? – спросил Волков, не уточняя, что эти кушанья ему приготовил простой солдатский кашевар.

– Вы смеетесь? – Адъютант даже перестал грызть бедро зайца. – Маршал скуп, как церковный староста. У него нет повара. Он ест горох, и не всегда с салом. И даже просо ест, как самый нищий поденщик, лишь сбрызнув его маслом. Пьет самое поганое вино и убеждает всех, что «вино не так уж и плохо для своей цены». И не дай вам бог с ним не согласиться. Кстати, чуть не забыл, Эберст просит вас начать готовить для его людей ужин, ужин на тысячу человек. Они придут голодные.

– Я распоряжусь, – пообещал кавалер.

После раннего ужина с адъютантом он приказал начать готовить еду для людей полковника Эберста и отпустить из-под стражи кавалеристов, а также поставить палатку для Мильке.

Прибывшим перед сумерками людям полковника Эберста найти место в лагере оказалось непросто. Здесь уже было около четырехсот телег и еще больше лошадей, да еще и припасы, так что новые палатки для тысячи человек ставить оказалось негде. Волков и полковник Эберст уговорились, что пока прибывший полк поживет на телегах, так как погода стоит хорошая. Уже когда стемнело, кавалер пригласил всех офицеров на поздний ужин. Там Мильке и Эберст рассказали всем его офицерам о внезапной атаке, которую мужики устроили маршалу. Они говорили, что атака была прекрасно спланирована и проведена с должной энергичностью.

– Словно то были не мужики, а отличные и опытные солдаты с прекрасными сержантами, – говорил полковник Эберст.

На что Мильке согласно кивал: и никак иначе.

– Точно так же было и с нами, – заметил ротмистр Хайнквист. – Мы и понять не могли, откуда во всей красе выскочили четыре десятка кавалеров, а пока мы пребывали в удивлении, они растоптали авангард третьей роты.

– Верно-верно, – тут же соглашался Рене, – так же внезапно появились и у нас, я даже и придумать не смог, откуда они выскочили. Чертово отребье!

А Волков рассказы прибывших офицеров слушал молча, но с удовлетворением. Теперь-то ни фон Бок, ни фон Беренштайн не смогут упрекнуть его ни в недосмотре, ни в беспечности. Ведь эти славные и опытные господа сами оказались в такой же ситуации и при всем их опыте потеряли людей намного больше, чем он. Пусть теперь лишь попробуют упрекнуть, он найдет что им ответить. Тем не менее кавалер ждал приезда генерала фон Беренштайна с некоторым волнением. А генерал с остатками войска должен был прибыть уже завтра.

Лагерь, который построил Волков, прибывшие офицеры признали укреплением достойным, что ему польстило. Не зря он десяток раз обежал частокол по периметру, не зря ругал офицеров и инженера, тыча их носом в недоделки. Теперь полковник Эберст с удивлением говорил:

– Отличный лагерь, полковник Фолькоф, и, главное, так быстро возведенный такими малыми силами.

«Знали бы вы, чего мне это стоило».

Но лагерь окажется мал для целой армии, так как к вечеру генерал должен был привести еще около двух тысяч человек. Зная это, Волков велел Шуберту начать разбивку новых мест за пределами лагеря и подготовить площадку для шатра генерала. Также он приказал поварам готовить еду в расчете на то, что уже с вечера придется кормить больше четырех тысяч человек.

Но все эти приготовления не сыграли никакой роли. Ничто не помогло задобрить генерала. Фон Беренштайн, только появившись, сразу позвал Волкова к себе.

– Крепость отстроили, – брюзжал фон Беренштайн, проходя по лагерю. Шел он тяжело, опирался на палку, как старик. – Долго тут сидеть думаете? Пока провизия не кончится?

– Как приказано было, – отвечал Волков, – велено было сохранить обоз, я и сохранил. Велено было поставить лагерь, я и поставил.

Другие офицеры шли следом, прекрасно слыша их разговор.

– Велено вам было лагерь ставить на том берегу реки, – продолжал отчитывать его генерал. – А теперь что?.. Как переправляться думаете на виду у мужичья? Штурмовыми колоннами пробиваться?

– Я не мог поставить лагерь на том берегу. Это было невозможно, хамы уже ждали меня на этом берегу. Мне пришлось принять бой.

– Да-да, читал я ваш рапорт. Приняли вы бой и при этом потеряли много людей... Да, кстати, я не вижу ваших прекрасных арбалетчиков. – Генерал остановился и стал притворно оглядываться по сторонам. – Кажется, нет их нигде?

– Они сбежали во время боя, – не стал врать Волков. Он едва удержался, чтобы не спросить в ответ у генерала: «Где полк фон Клейста и небольшой обоз, что шел с вами?» Слава Богу, что дал ума промолчать.

А фон Беренштайн не унимался:

– Вот! Деньги, брошенные на ветер. Жуликам пришло деньги подарили. Три месяца содержания выдали небось?

Генерал хотел, видно, намекнуть, что сбежали они неспроста, но Волков пресек эти домыслы.

– Всего месяц вперед оплатил, – ответил он быстро.

Генерал махнул на него рукой.

– Не умеете вы, Фолькоф, даже солдат правильных выбрать. Уж и не знаю, как вы умудрились от государя нашего патент на чин полковника добыть.

И все это генерал говорил при других офицерах, причем при младших офицерах его же полка. Тут и Рене был, и Хайнквист.

– Я патента не добывал... – начал было кавалер.

Но фон Беренштайн оборвал его пренебрежительным жестом.

– Оставьте, знаю я подобных ловкачей.

Волков побагровел. Снова едва сдержался, чтобы не ответить грубостью. Сдержался, но у него в который раз за последнее время кольнуло в груди.

А генерал пошел дальше, оглядывая лагерь и продолжая брюзжать:

– Ему велено было лагерь поставить, а он форт возвел, да с пушками, чуть не крепость с редутами, видно, до зимы тут собирается сидеть. Пока провиант не кончится. – Он скривился, как от кислого, а потом повернулся к офицерам: – Господа, нам, подобно полковнику, сидеть тут не пристало. Маршала нашего славного с нами нет – что ж, мы сами сподобимся. Отребье и нападает на нас исподтишка, потому как в честном бою тягаться с нами не может. Посему надобно нам, господа, навязать ему нашу волю и склонить к генеральному сражению. Согласны со мной?

Офицеры ему возражать не смели, соглашались. Волков молчал, хотя, в принципе, тоже был согласен с генералом. И фон Беренштайн продолжал:

– Так что прошу вас, господа, думать и к завтрашнему дню, если у кого появятся мысли какие, обратить их в план и обдуманную диспозицию. А сейчас можете быть свободны, идите к людям своим. Кроме вас, Фолькоф.

Офицеры поклонились и разошлись, и как только они разошлись, генерал спросил:

– И где же вы думали поставить мне палатку?

– Если вам будет угодно расположиться в лагере, то, надеюсь, вас устроит южная стена. Там телеги, лошадей нет, кашевары костров не жгут, там и потише будет.

– Распорядитесь там и поставьте, – повелел генерал.

Там ему палатку и поставили, место действительно было неплохим, разве что за южной стеной находился овраг, у которого были оборудованы нужники, а так место вполне хорошее.

Этим же вечером, гремя барабанами, с развевающимися флагами подошла пестрая, яркая колонна ландскнехтов. Три роты, не менее шести сотен человек, возглавлял капитан Зигфрид Кленк – бодрый человек в огромном берете, ехавший верхом на стареньком мерине. Теперь ужин нужно было готовить на пять тысяч человек.

Даже учитывая, что в лагере находилась тысяча с лишним возниц, кашеваров, саперов, всяких других людей ремесла не воинского, все равно выходило число внушительное. Волков прикидывал, прохаживаясь с Хайнквистом по лагерю, что, даже оставив на месте крепкую охрану, генерал фон Беренштайн сможет выставить в поле три тысячи двести, а то и три тысячи четыреста человек, среди них три сотни кавалеристов. Кавалер видел мужиков в деле и не был о них излишне высокого мнения. Уж не горцы, это точно. А учитывая, что среди армии генерала фон Беренштайна были шесть сотен хороших солдат Волкова, не считая его же отличных стрелков, и шесть сотен ландскнехтов, успех мужичья казался весьма эфемерным.

Теперь кавалер почти успокоился. И черт с ним, с генералом, и его едкими придирками, неделя пройдет, две, они разобьют мужиков, и он, получив свою долю добычи, поспешит сначала в Ланн, просить нового епископа на кафедру Малена, а потом к себе в Эшбахт. Причем со своим полком. Да, дел у него было много. Поэтому он должен был высыпаться и в эту ночь спал как всегда прежде, то есть как усталый солдат.

А утром, еще кашевары только раскладывали по мискам нелюбимое солдатами просо с небогатыми кусками солонины, в лагере появилась карета с мрачным и залихватским кучером.

Волков сильно удивился бы, увидев карету, которая въехала в лагерь без его разрешения, но впереди ехал Максимилиан и еще один верховой. Карету кавалер узнал. Не из дешевых, а кони так и вовсе отличные, вся четверка хороша.

Когда карета остановилась посреди лагеря на виду у всех солдат и пришедших завтракать офицеров, так из нее вывалилась здоровенная девица. Она откинула ступени, Максимилиан спешился, быстро подошел к открытой дверце, и уже после этого, протянув ему руку и придерживая юбки, показалась молодая девица явно благородного происхождения. Ну, а кто иной, как не дева из благородного семейства, мог с таким недовольством, а может, даже и презрением осматривать солдатский лагерь и всех там присутствующих мужчин. Солдаты отводили от нее взгляд, ну ее к лешему, а офицеры кланялись весьма любезно.

– И где мне жить придется? – недовольно спрашивала она у Максимилиана, отвечая на поклоны офицеров едва заметным кивком.

– Прошу вас, госпожа. – Максимилиан рукой указал на пристанище Волкова. – Думаю, полковник уступит вам свой шатер.

Волков уже шел к ней. Он на глазах у всех обнял прибывшую весьма радушно и повел в шатер.

Там, расправив платье, Агнес уселась на раскладной стульчик, все с тем же недовольным видом стала осматриваться. Ей все не нравилось: кровать из мешков с горохом, которую лишь отчасти делали удобными перины и простыни. Вместо платяных шкафов – ящики с оружием и пустой ящик из-под доспехов. Два крепких сундука с полковой казной и личными ценными вещами полковника. Никаких удобств. Но вот ковры, серебряный кувшин для умывания, медный таз и медная ванна ей пришлись по душе.

– Как доехала? – спросил Волков с улыбкой, наблюдая за ее недовольным лицом.

– Очень быстро, – ехидно заметила Агнес, которая была утомлена долгой дорогой и раздражена постоянными уговорами Максимилиана ехать быстрее и отдыхать меньше. Она тут же взглянула на кавалера. – А спать я где буду?

Волков кивнул на свою кровать.

– Там, мне сделают другую. Авось мешков с горохом в лагере предостаточно.

– А долго мне тут жить?

– Пока надобна будешь, – неопределенно отвечал он.

– А куда же по нужде мне ходить? Где мыться?

Волков молча встал, откинул полог шатра.

– Фейлинг, инженера Шуберта ко мне! – Он повернулся к Агнес. – Есть хочешь?

– Мыться желаю, юбки нижние желаю сменить, а еще желаю знать, зачем тащили меня сюда три дня без малого, коней надрывали.

– Ничего, кони твои крепки, а помощь мне твоя не помешает.

Агнес порозовела: опять этому сильному и непреклонному человеку, коего все почитают за храбреца-вождя, была нужна ее помощь. Это ей льстило, это ей приятно было. Не зря ехала.

– Так что за помощь требуется? – спросила девушка.

Волков ни мгновения не раздумывал, в мыслях и словах он был уверен:

– Колдовство одолеть надобно. А колдун очень умен.

Глава 8

Агнес молчала, она уже из разговоров с Максимилианом поняла, для чего ее господин видеть желал. Девушка немного волновалась, сомневалась в силах своих. И немудрено. В Хоккенхайме Волков с ведьмами управился сам. Выжег почти все их гнездо. Все сам сделал, за малым исключением. Ей только порчу с него снять надо было. А тут ее звал, видно, сам управиться не может, и колдун здешний нешуточный. Как бы ей самой не опростоволоситься с ним.

– Ну, что молчишь? – спрашивал у нее господин.

– А что ж говорить, если вы ничего мне пока не рассказали, – отвечала девушка вполне разумно. – Как сей колдун вас изводит? Порчу на вас наводит, что ли? Может, на людишек ваших страх нагоняет?

– Нет, не то, не то все... – Волков принялся рассказывать ей о своих догадках.

Он говорил о том, что люди его, да и он сам, словно слепыми стали, тысячи врагов под носом были, а их не увидели. Тысячи! Две тысячи были рядом, в лесах да в оврагах, а люди Волкова даже следов их не рассмотрели. Как? Как могли пройти две тысячи человек, не оставив на земле ни единого следа? Да еще с кавалерией. Он явно такого не понимал.

– Ну, что скажешь, разве нет тут колдовства? – спрашивал он у девушки.

– Может, и есть, а может, и нет, – уклончиво отвечала она. – Если есть тут темное дело, то это морок.

– Морок? Что за морок?

– Умение людям глаза застить. Наваждение на глаз человеческий.

Она и сама так могла, ей не представляло труда пройти среди многих людей так, что никто на нее и не обернется, никто о ней и не вспомнит, если спросят. Давно она этому научилась, умела тенью скользить даже при свете дня, как будто и не было ее. В книге одной умной о таком писали, что это умение великое, но ей оно далось легко, само собой, без учения. Но вот чтобы в тени своей две тысячи мужиков спрятать, так чтобы глаз чужой их не видел, да еще с конями... Нет, о таком она даже в книгах не читала.

– А еще что темным делом казалось? – спросила Агнес у Волкова, оторвавшись от размышлений о великом мороке.

– Знали они наперед, что мы идем. Знали, как стоять будем, как действовать... – отвечал кавалер, вспоминая те события. – Мы словно в ловушку шли, что они нам расставили.

Вот тут Агнес уже всерьез заинтересовалась.

– Думаете, знали? Может, оно само вышло, может, ловушка та не силами злыми, а умением устроена да беспечностью вашей?

– Может, и так, только вот командир наш, маршал фон Бок, в такую же ловушку угодил. – Волкову не нравилось, что Агнес сомневается в присутствии тут злого дела. – Так же шел и так же несколько тысяч человек у дороги своей не заметил, за что и сильно бит был.

Агнес все равно сомневалась, но теперь уже меньше.

– Стекло-то у вас с собой?

– Ты же знаешь, что с собой.

– Ну мало ли, вдруг вы потеряли, когда вас били? – спросила девушка с заметным ехидством.

Волков на это ничего не ответил, отпер сундук, вытащил оттуда мешок со стеклянным шаром и бросил его на кровать.

– На, смотри.

– Поесть мне прежде надобно, помыться, – произнесла девушка.

И, как по заказу, из-за полога донесся голос оруженосца Фейлинга:

– Господин полковник, господин инженер прибыл.

Волков вышел к инженеру.

– Ко мне приехала родственница.

– Да-да, я слышал, – отвечал инженер.

– Она поживет пока тут. Около стены за моим шатром отгородите место для купальни и нужника.

– Немедля приступлю, – пообещал Шуберт.

Когда кавалер вернулся в шатер, то увидел Агнес уже на кровати с шаром в руках, она была только в нижней рубаше. Когда только успела? Девушка подняла на него глаза и сказала:

– А вы, господин мой, ступайте, я одна побуду. Только поставьте кого-нибудь у входа, чтобы не вошел кто ненужный. – И, не дожидаясь, пока господин покинет шатер, вообще уже не обращая на него внимания, стала снимать с себя последнюю одежду.

Офицеры, все рангом от капитана, собрались у шатра генерала, рассаживались за длинным столом на лавках. Первыми сели полковники Фолькоф и Эберст, а также заместитель выбывшего по ранению фон Кауница капитан-лейтенант Фильсбибург, капитан ландскнехтов Кленк и новый командир кавалерии капитан фон Редернауф.

– Слухи ходят, что вас, полковник, посетили гости, – сразу, как только все расселись, начал фон Беренштайн. – Надеюсь, наш военный совет не оторвал вас от более важных дел?

Офицеры стали улыбаться и понимающе посмеиваться.

– Нет для меня ничего важнее, чем военный совет, – отвечал Волков холодно и даже не потрудившись привстать с лавки.

– Слава богу, а то вдруг общение с молодыми девами для вас важнее, чем нудные советы, – продолжал генерал.

Волков не считал нужным повторяться и промолчал, а фон Беренштайн, поняв, что его шутки далее не будут успешны, перешел к делу. Прежде всего он решил из разбитого полка фон Клейста оставшихся там людей распределить в полк Волкова и полк Эберста, собрав два сильных полка из трех слабых. Кавалер получил две роты общей численностью двести шестьдесят человек, но при этом у Волкова забрали всех оставшихся у него кавалеристов вместе с Гренером. Эберст получил роту в сто семьдесят человек. В резерве, в личном подчинении генерала, остались шесть сотен ландскнехтов, три сотни кавалерии и сто двадцать стрелков и арбалетчиков. Несмотря на всю неприязнь к фон Беренштайну, Волков посчитал такие изменения правильными и был, признаться, рад, что капитан-лейтенант Фильсбибург оказался у него в полку, так как Рене не очень хорошо справлялся со своими обязанностями.

А после разговор пошел о плане следующего сражения. И вот тут Волкову уже не нравилось все, что он слышал.

– Адьютант Мильке, будьте добры, огласите разработанный нами план, – предложил генерал.

Мильке встал и стал на наспех нарисованной карте показывать диспозицию.

– Господа, ничего иного придумать тут нельзя, у нас два полка, и имеем мы два брода. Мы посчитали, что полк полковника Эберста переправляется здесь у лагеря, – Мильке указал пальцем место на карте, – у западного брода, а полковник Фолькоф форсирует реку у восточного брода.

Это был как раз тот брод, по дороге к которому разгромили вторую роту капитана Бертье.

– Тот из полковников, кто первым выйдет на тот берег и построится в боевые порядки, обеспечит переправу кавалерии, – продолжал Мильке, – и сразу поможет другому, если у того возникнут трудности с переправой. Думаю, что удержать оба полка на реке у мужичья силенок не хватит.

«Это как пойдет».

– По нашим подсчетам, хамов не больше двух с половиной тысяч, – вставил слово фон Беренштайн. – Продолжайте, адъютант.

Мильке поклонился и продолжил:

– Оттеснив противника от берега, мы дадим ландскнехтам и стрелкам переправиться на тот берег и начнем наступление на лагерь врага. Я уверен, что в поле мы их опрокинем. Главное – не дать им укрыться в лагере.

«Уж очень все гладко у вас, вы уже мечтаете, чтобы они не сбежали. Не рано ли?»

– Наша кавалерия должна будет отрезать быдло от моста на Рункель. А пехота – до вечера прижать их к реке и перетопить в ней, – снова заговорил генерал. – Если же они запрутсся в лагере, то нам придется переправлять на тот берег артиллерию, которую столь любезно нанял полковник Фолькоф. Вот таков план. Есть ли возражения, господа? Дополнения? Вопросы?

Волкову план не понравился совсем. Не так уж просты и слабы были мужики. Да, не так хорошо они держали строй, нестойко вели себя под пушечным огнем, но только одно то, что они ведут свою войну уже почти два года и побили многих именитых воинов, доказывало обратное. Неужели фон Беренштайн, только что, два дня назад, потерпевший от них поражение, этого не понимает? Но, как и другие офицеры, кавалер молчал просто потому, что ничего своего предложить не мог. Он не знал, как форсировать реку иначе, чем решил Мильке. Единственное замечание...

– Что вам, полковник? – спросил его генерал.

– Думаю, что мне с полковником Эберстом лучше поменяться бродами. Я этот берег, это западный брод хорошо знаю, я тут уже дрался.

По лицу фон Беренштайна Волков понял, что тот хочет отказать, но он не успел ничего сказать, так как Эберст произнес:

– Пусть полковник Фолькоф начинает у западного брода, мне все равно, где переправляться.

– Да, я думаю так же, пусть Фолькоф начинает дело у западного брода, – согласился Мильке, покосившись на Волкова. – Он тут уже давно все приглядел. Пусть начинает здесь, у лагеря.

– Ну что ж, раз полковнику Эберсту все равно, так берите себе этот брод, Фолькоф. – Генерал нехотя кивнул.

Это была небольшая победа над фон Беренштайном. Волков не только хорошо знал это место, но и был уверен, что его артиллеристы прямо из лагеря, с возвышенности, простреливали весь берег и могли хорошо поддержать его на том берегу крупной картечью и ядрами.

– В общем, это все, дело будет через два дня, начинаем на заре. Господа офицеры, знакомьтесь со своими новыми частями, выходите на рекогносцировку. Осматривайтесь на местах. И будем молить Господа об успехе нашего дела. Все свободны, – закончил совет генерал.

– Капитан-лейтенант, – Волков кивнул в ответ на поклон Фильсбибурга, – я хотел бы взглянуть на ваших людей.

– Немедля распоряжусь. Прикажу капитанам строить людей за западным выходом.

Полковник не поленился, сам пошел посмотреть, как офицеры будут строить своих людей. Ничего удивительного или приятного он не увидел, солдаты были не для первых рядов. А вот строились они, кажется, в первый раз. Бараны. Сержанты орали, лупили палками по шлемам и кирасам этих болванов, а Волков никак не мог понять, чего от этих сержантов больше – порядка или глупой суеты. Глядя на все это, кавалер сразу усомнился не только в командирах рот, но и в самом капитан-лейтенанте. Нет, Карл Брюнхвальд такого построения не допустил бы. Они бы строились и перестраивались у Брюнхвальда с утра до вечера, пока не научились бы.

Волков с недовольным видом пошел вдоль выстроившихся наконец линий. Но Карла, на которого он мог положиться, тут не было, в его распоряжении оставались Рене и Фильсбибург.

«Нет, пусть пока будет заместителем Рене, уже известно, что от него ожидать, а этот темная лошадка, впрочем, других офицеров у меня сейчас нет. Незнакомого ротмистра на должность командира роты назначать рискованно, придется довериться этому».

Доспех у новых людишек оказался плох, оружие так себе... да нет, тоже плохое. Пик мало, алебард мало, копья да голендаги, и то все на плохом кривом дереве. Железо ржавое. Солдаты самые дешевые, из городских ополчений за полцены набраны. При осадах и для гарнизонов еще худо-бедно годны, а для дела в поле... Такое впечатление, что строю совсем не учены. А сержанты...

Он с кислой миной повернулся к капитан-лейтенанту Фильсбибургу:

– А когда вы выйдете на тот берег и по вам, к примеру, станут бить стрелки или пойдет мужик, сколько ваши роты будут там строиться?

Лейтенант чуть помолчал виновато и ответил:

– Сержантов мало, господин полковник. Мужики побили многих при последнем деле.

Волков без намека на всякое понимание посмотрел на капитан-лейтенанта, помолчал и принял решение.

– Думаю, обе роты нужно собрать в одну, вы, Фильсбибург, ее возглавите. Пятьдесят человек передадите ротмистру Хайнквисту, он лично отберет себе людей, сами же попросите четырех хороших сержантов в роте капитана Рене, – он поднял палец, – на время! Чтобы они обучили ваших. Возьмете барабанщиков и трубачей и за два дня научите своих людей быстро строиться в походную колонну, из походной в баталию, в шесть рядов, а из нее – в штурмовую колонну по четыре человека. Гоняйте их до ночи, а коли начнут бурчать, так вразумите этих неумех. К завтрашнему вечеру я хочу видеть, как они строятся и при фронтальном ходе баталии под барабан держат строй. Чтобы как по линейке шли.

Волков знал, что это почти невозможно, но ставил задачу в надежде, что хоть чему-то солдаты за полтора дня научатся. Хотя бы слушать барабан и не наступать в строю друг другу на пятки.

– Да-да, – сразу согласился с полковником капитан-лейтенант, – сейчас же начну.

Волков прекрасно видел, что капитан-лейтенанту не нравятся принятые им решения, но уж это его заботило мало: в своем полку он устанавливал правила сам. Вина Фильсбибурга в том, что его подчиненные так плохи.

А тут радость – за грубо строганным столом, что стоял у шатра кавалера, сидел человек. Спина к нему сидел, но Волков сразу узнал его по широченной спине, старой замызганной шляпе и стакану в руке.

Кавалер подошел, положил руку на плечо человека, заглянул под шляпу – так и есть, старый черт, борода черная, нога деревянная под столом – Игнасио Роха по прозвищу Скарафаджо собственной персоной. Хотя и вид у него был еще больной, все лицо до щетины в испарине, но держался Роха бодро.

Волков уселся напротив, осмотрел его.

– Ты чего приехал? Как тебя лекарь отпустил?

– Да ну его к дьяволу, тут твой монах меня быстрее долечит. Да и тошно мне там было без денег. Положили меня болеть у людишек скаредных, говорю им: «Дайте хоть пива, раз вина не даете». А они мне: «Денег ваш доктор на пиво не давал, молоко пейте». Вот я к тебе и приехал.

– А Брюнхвальд как?

– Лекарь ему к ноге доску накрепко примотал, он теперь ни пешим, ни конным не будет. До нужника допрыгать может – и все.

– Значит, жив?

– Да жив, а чего ему будет, ну, прокололи лытку, не он первый, не он последний. – Роха улыбнулся, хотя улыбка далась ему не так уж и легко. Он оглянулся. – А ты тут уже крепость построил, когда только успел? Говорят, мужичье приходило к тебе знакомиться.

– Приходило, – кавалер кивнул, – Пруфф их картечью встретил, а твой Вилли мушкетами проводил. Мы же ни единого человека не потеряли.

– Вилли? Ну и как он тебе?

– До тебя ему пока далеко, не волнуйся. Но ты все-таки скажи, чего ты приехал? Ты же еще не долечился.

Роха посмотрел на кавалера и спросил:

– Честно тебе сказать?

– Да уж говори.

Роха поправил свою деревяшку под столом, потом допил махом вино, вздохнул и признался:

– Знаешь, Фолькоф, жена у меня не из простых.

– При чем тут твоя жена? – Полковнику вовсе не хотелось слушать байки про чьих-то жен, не до жен ему сейчас было, через полтора дня большое дело намечалось.

– Ты дай сказать-то... – разозлился Скарафаджо и, видя, что кавалер молчит, продолжал: – Как ни крути, она из благородных, правда, из городских, ее отец даже был вице-бургомистром... И вот, как поженился я с ней, так она меня и бранила, и бранила, и бранила: пьяница, говорит, бездельник, дурень бесполезный. Когда женился я, так у меня деньжата водились, а потом и закончились. Помню, в первую зиму без дров жили, а она на сносях была. Потом в плохой дом пришлось переехать... А она так бранилась, что я домой идти не хотел. Вот...

Полковник терпеливо продолжал слушать рассказ старого знакомого про его жену, хотя ему не терпелось поговорить с Агнес.

– А тут ты появился, – продолжал Скарафаджо, – и я сразу понял: вот его мне Господь послал. И так оно и было. Домишко теперь какой-никакой у меня свой, землю хоть и мало, но ты мне выделил.

– Не меньше, чем другим, – заметил кавалер.

– Не меньше, не меньше, – согласился Роха, – я ж не спорю. А кроме земли и деньжата появились: то ярмарку ограбим, то обоз у горцев отберем. Я на эти деньги жене и платье хорошее справил из атласа, и серьги, и всякого другого прикупил... Башмачки там, юбки нижние... А главное, ты же меня к себе на обеды стал приглашать с женой, а она как с дочерью графа за одним столом посидела, так совсем другой стала. Слова дурного от нее не слышал с тех пор, подобрела. Как узнала, что я капитан, как стала капитаншей, так и вовсе ласковой сделалась. Когда я уходил с тобой на мужиков – не поверишь, я видал, как она плакала, по мне плакала.

Волков даже брови сдвинул, посмотрел на Роха сурово.

– На кой черт ты мне все это рассказываешь?

– Я просто сказать хотел, что тебя не брошу, знаю, что ты без офицеров остался: Бертье, Брюнхвальд, я... Рене один у тебя. В общем, если я нужен, могу роту взять какую, а не нужен, так к стрелкам своим вернусь.

– С офицерами дело дрянь, – отвечал кавалер, глядя товарищу в глаза и понимая, что тот еще не поправился, – и с сержантами тоже. Я рад, что ты вернулся, но тебе надо долечиться, сидишь весь мокрый от пота, а от больного какой от тебя прок? Ступай к монаху, микстуры пей. Послезавтра до рассвета к реке пойдем.

– Форсировать надумали? На тот берег намылились?

– Генерал решил, я был против. – Волков поморщился.

– Ты мне коня дашь? Моего убили там на берегу.

– Так и другого убьют.

– А что делать, я ж на деревяшке много не напрыгаю.
– Ладно, найду тебе мерина старого. – Волков протянул товарищу руку для рукопожатия.
– Мерин подойдет, авось не на смотр еду, – ответил Роха, пожимая его руку.
– Ты только вылечиться успеешь. Ты поставил себе палатку? Я пришлю к тебе монаха.
– Вилли уже распорядился и насчет палатки, и насчет брата Ипполита... Фолькоф, ты не волнуйся, вылечусь, – обещал Скарафаджо, все еще не выпуская его руку. – Твой монах – он волшебник, да и я еще не стар.

Волков молча кивнул, он верил ему, он надеялся, что Роха прав, кавалер давно его знал и видел, что этот человек всегда был упруг телом и крепок, как молодой кабан.

Глава 9

Агнес сидела на постели, на девушке была лишь рубаха нижняя, и та сползла, плечи открыты, а перина взбита, как будто на ней дрались. Волосы Агнес растрепаны, она свесила ноги на ковер и рассматривала его узоры. Подле нее в волнах взбитой перины уютно лежал синий стеклянный шар, она держала на нем руку.

Кавалер с одного взгляда почувствовал неладное.

– Что?

Девушка взглянула на него и ответила:

– Да вот... Поглядела на обидчика вашего.

– И что? Видела его? Он лыс, с железной рукой, но руку я не видел.

– Лыс? Может, и лыс, может, и с рукой... Я думала, один он... – Она явно не спешила рассказывать то, что узнала.

– Да говори ты уже. Что узнала про него? – поторопил Волков с заметным раздражением.

– Ни лысины его, ни руки я не видала, – отвечала она все так же не спеша, – а видала я его жену.

– И что там за жена? – Он не понимал, зачем она про какую-то жену говорить надумала.

А она тут поглядела так, что кавалер сразу почувствовал беспокойство.

– Баба она непростая, – продолжала Агнес серьезно, – заглянула в нее, как в колодец старый: темно, глубоко, холодно. Это не он, это она на вас морок наводила. Она знала всякий раз, когда и где вы появитесь. Она вашим людям глаза пеленой застила. У нее и стекло есть, а ему в него не заглянуть, думаю, что силой для того он не вышел. А вот она...

Теперь беспокойство Волкова окрепло, он устало сел рядом с девушкой.

– Что, сильна баба?

– Тварь увидала меня... Не дает смотреть за ними, я так и не высмотрела, где она прячется, – тихо и зло сказала Агнес. – Пыталась выглянуть ее... Глаза у меня стало разъедать...

– И что же делать? – спросил Волков.

– Ночи дожусь, может, спать она ляжет, тогда и найду ее. Или еще когда... Как получится.

– Ждать нельзя, послезавтра на тот берег пойдем, вернусь ли? – спросил он, ожидая положительного ответа, ведь она уже обещала, что с этой войны он придет с победой и богатством.

А девушка не ответила, покосилась на господина и заговорила:

– Мыться мне надобно, в уборную надобно, а у вас тут и ночной вазы нет. А еще есть хочу.

– Слышишь, топоры за шатром стучат? Это тебе уборную делают, там же у тебя и купальня будет. А горшка ночного у меня нет, он без надобности мне.

Волков встал и поглядел на девушку внимательно, а потом, сам себе удивляясь, погладил ее по голове, как отец гладит послушную дочь, когда желает ее успокоить. Он был доволен, несмотря на то что слова Агнес поначалу внушили ему тревогу, но теперь он стал успокаиваться. Ее присутствие как-то само собой становилось гарантией того, что больше ему засад не устроят, что больше никто ему глаз застит не сможет. А уж дальше он сам управится... Сам... Да, присутствие Агнес становилось для него важным, не зря он ее ждал, не зря гонял Максимилиана.

А она подняла на него глаза, и они были полны удивления. Ведь никто никогда не гладил Агнес по голове. Никто. Разве что ее старая полуслепая бабка любила девочку. Быть может, она ее так ласкала, но за давностью лет Агнес такого не помнила, оттого и растерялась.

– Я велю тебе еды принести и спрошу у инженера, когда будет готова твоя уборная, – сказал Волков и направился к выходу.

А девушка так и не нашла слов для ответа.

...Дел у Волкова хватало. Сначала он поглядел, как идут работы за его шатром у стены, готова ли уборная для Агнес. Его удовлетворило то, что сам инженер Шуберт руководил делом, и все у него получалось красиво. Рядом с частоколом уже поставлена была стена из досок, отгораживающая уборную от посторонних взглядов. Тут уже лежала медная походная ванна Волкова – видно, Шуберт как раз присматривал для нее место.

– Когда закончите, господин инженер? – спросил кавалер.

– Часа не пройдет, – обещал Шуберт.

После полковник пошел к Хайнквисту, поглядел, каких тот отобрал себе солдат из новых рот. Волков мог не сомневаться, ротмистр дело знал: он забрал у Фильсбибурга пять десятков тех, кого можно было считать солдатами. Хайнквист сделал все правильно: теперь у них были две вполне себе крепкие роты, на которые можно надеяться, и одна рота, которая, скорее всего, разбежится или сомнется при первом соприкосновении с неуступчивым врагом.

Хайнквист, кажется, забрал всех пикенеров из рот Фильсбибурга. Волков чуть подумал и махнул рукой: бог с ним. Он даже стал размышлять о том, чтобы дать ротмистру звание капитана, раз уж тот занимает капитанскую должность, но спешить не стал, решил посмотреть, как он будет вести себя в деле – в бою у переправы и потом на том берегу. Казалось бы, какая разница, порадуя человека перед сражением, но Волков всегда и все считал, он отлично помнил, что капитан при дележе военной добычи, причитающейся полку, получает на две офицерские порции больше, чем ротмистр. И кавалер никак не хотел отдавать лишние деньги человеку, который того не заслуживает. Поэтому пусть Хайнквист пока побудет ротмистром, а там посмотрим.

После он отправился далеко за пределы лагеря, там на открытом месте, на дороге, пришедшие из роты Рене сержанты под барабаны и трубы учили быстро менять строй солдат роты Фильсбибурга. Сам командир роты был тут же, офицеры и сержанты принимали в обучении посильное участие. Двести двадцать человек кое-как вспоминали, как ходить в колонне так, чтобы не наваливаться на впереди стоящих, как строиться в линии, чтобы они не походили на волны. Понятно было, что за полтора дня из этих людей полноценную роту не создать, но хоть чему-то их сержанты научить успеют. Посмотрев немного на все это, кавалер вернулся в лагерь. Ужинать.

На следующий день он с офицерами пошел на берег осматривать место, где завтра будет дело. Ничего хорошего они не увидели. Их берег оказался полог, а берег мужиков крут. Волков понял, что, расставь он стрелков на своем берегу, толку от них окажется немного. Ничего, кроме воды, камышей да обрывистого подъема они видеть не будут. То есть на поддержку мушкетеров надеяться смысла нет, их придется переправлять.

А еще понял, что построиться на том берегу в колонну или в линии будет непросто, у воды места мало, потребуется вылезать вверх и строиться уже там, на глазах у врага да под обстрелом. Хорошо, что Волков выбрал переправу на этом бросе, тут ему Пруфф даст возможность хотя бы вылезти на тот берег и собрать там достаточно людей, чтобы попытаться атаковать мужицкие батальи, которые будут непременно ждать вне досягаемости его артиллерии. Он глядел на тот берег, на серьезные лица своих офицеров и невольно вздыхал: «Да, дело будет очень непростое».

– Теперь вам ясно, господа, что завтра нам легко не покажется? – Офицеры молча согласились, а он продолжал: – Промедление завтра будет делом недопустимым. Сразу в лагере построимся в маршевые колонны, поротно. Сначала идет первая рота. Первая рота, капитан Рене, отберете пятьдесят человек охотников, я их сам поведу, пойдем до рассвета; сразу за нами, уж будьте любезны, – вы. И не медлите. Лучше начать дело, пока не рассеется туман.

– Будет исполнено, господин полковник, – отвечал капитан.

– Роха, Вилли! – Волков заглянул в лицо своего приятеля. – После первой роты сразу вы, вы мне нужны. Пока я буду строиться, сдерживайте мужичье огнем.

– Это как водится, – согласился Роха.

– Да, господин полковник, – сказал ротмистр Вилли.

Волков с удовлетворением отметил, что вид у капитана стрелков уже не такой болезненный, как вчера.

– Потом вторая рота, ротмистр Хайнквист, – продолжал кавалер. – Допустить столпотворения и скученности на том берегу никак нельзя, вы будете ждать, пока первая рота взойдет на обрыв, о том дам вам знать, трубачи пойдут с первой ротой.

– Буду ждать сигнала, – произнес Хайнквист.

– А потом уже и вы, – продолжал Волков, поглядывая на капитана Фильсбибурга, обращаясь больше к нему, чем ко всем остальным. – Заминок и задержек не допускайте, я такого не потерплю.

– Не допущу такого, – обещал тот.

– Господа, многие из людей ваших в воду пойдут без радости, а уж на тот берег, чтобы попасть там под баталии мужицкие, тем более, – дальше говорил полковник, – уже сейчас по лагерю слухи пойдут о завтрашнем деле, уже сейчас кое-кто из солдат надумает бежать при первом случае, посему прошу вас, чтобы вы и сержанты ваши были бдительны и сегодня ночью и завтра при деле с трусами и дезертирами обходились без всякой милости, согласно солдатским законам.

Офицеры все понимали и кивали своему командиру.

Агнес лежала на кровати, лишь до половины скрыв периною свою наготу, стеклянный шар лежал под ее левой рукой. Лицо девушки было таким изможденным, словно она уже несколько дней работала с утра и до ночи. Она заметно похудела, хотя в хорошей еде у нее недостатка не было. Шар словно выедал ее.

Волков посмотрел на Агнес и подумал, что сейчас она говорить с ним не захочет, он повернулся уже, чтобы выйти из шатра, но она вдруг заговорила:

– Глаза болят. – Он остановился, повернулся к ней, девушка, зажмурившись, стала растирать глаза руками и продолжила говорить: – Тварь эта мне глаза пыталась портить, слепила меня. Но ее дом я отыскала. В Ламберге он, дом большой, красивый.

– А к чему мне она и ее дом? – не понимал Волков.

– А что вам надо-то? – вдруг резко спросила девушка, перестала тереть глаза, уставилась на него. И почти закричала: – Что же вам еще надо?

– Победить завтра, – ответил он спокойно.

– Так что же мне, на коня сесть? Меч в руки взять? – закричала она. – С вами в драку поехать?

– Никуда тебе ехать не нужно, тебе нужно колдовство отвести от меня, – продолжал он, – чтобы завтра все сила честная решала, а не бабьи слезы да мороки. Тем более что в Ланне ты мне обещала, что с этой войны я вернусь знаменитым и богатым.

Крепкая и плотная материя великолепного его шатра хорошо приглушала звуки, но тут Волков даже стал бояться, что охрана его, которая у шатра стоит, услышит, как кричит эта малахольная девица:

– Стекло неверно, непостоянно, как ветер, сегодня одно покажет, завтра другое, я вам о том уже не раз говорила. Может, так и было тогда в Ланне, что славны вы и что богаты вернулись, а сейчас я того не вижу совсем. Ничего я не вижу из-за твари этой. Словно пелена, словно жиром глаза замазаны.

– Тихо ты, – прошипел Волков, – чего горланишь? Хочешь, чтобы сбежались сюда?

Тут она замолчала, глаза закрыла, так и лежала молча. Волков смотрел на нее: грудь небольшая, тонкие руки поверх перины, ключицы торчат, худая сама, лицо бледное – покойница, да и только. Он повернулся и вышел из шатра.

Пошел опять за пределы лагеря туда, где стучали его барабаны и училась строиться новая рота, третья рота капитана Фильсбибурга. Там Волкова и нашел выпавшийся после почти недельного путешествия Максимилиан. Кавалер рассеянно глядел на то, как уже охрипшие сержанты из первой роты под барабан учат солдат третьей роты не сбиваться с шага при движении в построенной в шесть линий баталии. Смотрел, а сам слушал рассказ Максимилиана о его путешествии в Ланн и про то, как вела себя при этом Агнес. Максимилиан как будто всю дорогу только и делал, что запоминал, где Агнес останавливалась, что велела себе готовить на ужин да что и кому говорила. В словах молодого человека так и сквозила неприязнь к девице, не то он просто ее боялся. Но, несмотря на красочный рассказ, Волков ничего нового про девушку не узнал. А что Максимилиан не любит Агнес, так секрета в том не было. «Черт с ним, пусть не любит, не жениться же ему на ней, а то, что она вздорна, зла и сварлива, так пусть, лишь бы завтра она помогла смять хамов на том берегу».

Стоять да смотреть, как солдаты ходят строем, полковнику нужды нет, тут и сержантов достаточно, потому он пригласил всех офицеров третьей роты на обед, чтобы познакомиться с ними поближе. Он хотел знать, что это за люди, чем они сильны и чем слабы. Офицеры кланялись и обещали быть, хотя ему показалось, что соглашались они без особой радости. Кажется, они его недолюбливали. Но это кавалера волновало мало, пусть жен любят.

После обеда всех полковников и командиров рот снова звали на последний совет к генералу, где тот за всякими вопросами продержал их едва не до сумерек.

Когда господин вернулся, девушка так и валялась в постели, вставать не хотела, много сил стекло у нее отбирало. Она только грудь периной прикрыла, чтобы не смущать его, а Волков сел на стул, стал разуваться, потом приказал новому своему человеку нести еду прямо в шатер. Тот принес еду простую, дрянную, солдатскую. Агнес только покривилась и стала смотреть, как кавалер быстро ест. Не как господин, а как холоп какой-нибудь, которому среди работы выпала малая минута на обед. А он съел все, что было в миске, допил все пиво, что было в кружке, стал снимать с себя одежду, а сам смотрит на нее и говорит:

– Завтра дело, уйду до зари, иду на тот берег к мужикам, первый пойду, сам людей поведу.

Она молчит. Знает, зачем он завел этот разговор, знает, что он будет спрашивать.

– Вернусь ли? – говорит господин дальше.

Агнес опять молчит, думает, что ответить. А ему нейдет, он уже верхнюю одежду скинул.

– Вернусь ли живым? Раненым? Или вообще не вернусь?

– Вернетесь, – коротко и нехотя говорит она, хотя сама того наверняка не знает. Просто если вернется он, то ее предсказание сбудется, а не вернется, так не перед кем ей будет оправдываться.

Он ухмыльнулся чему-то и завалился в постель. Залез под перину, хотя в шатре и не холодно было. От него пахло чем-то терпким, мужским, не понять, приятным или нет. На мгновение Агнес показалось, что сейчас он надумает быть с нею ласков. Может, она была бы и не против, хоть и устала, но господин просто лег на спину и закрыл глаза.

– Значит, вернусь. Это хорошо, а то у меня еще дел много.

Агнес молчала, ее левая рука лежала поверх перины рядом с его правой рукой. На фоне ее худенькой руки его рука казалась... бревном. Она думала сказать ему что-то, но, взглянув на его лицо, вдруг с удивлением поняла, что господин уже спит. Спит! Завтра ему вести людей в бой, на кровавое дело, может, самому придется биться, может, даже погибнуть, а он наелся

и спит себе. Не волнуется, не тревожится, не хочет с кем-то поговорить, не сидит в темноте, ожидая рассвета, а спит!

Агнес даже стало обидно, но в то же время она понимала, насколько силен человек, что лежит рядом с ней. Распорядись так судьба, что на такое дело пришлось бы идти завтра ей, так она бы до утра не уснула, а этот спит, скоро и храпеть, может, начнет. Девушка выбралась из-под перины, села на край постели, взяла в руки стеклянный шар. Раньше она мечтала о том, чтобы шар у нее был, думала, что станет в него каждую свободную минуту смотреть, а тут... Насмотрелась уже. Тем не менее Агнес заглянула в него.

И вглядывалась, вглядывалась, вглядывалась, словно что-то хотела рассмотреть, что-то мелкое. Даже прищуривалась, а потом вдруг оторвалась от синего стекла. Как будто неожиданно проснулась, разбуженная чем-то важным. Встала, быстро прошла к сундуку и, завернув шар в мягкий мешок, спрятала его там. Потом так же быстро, на ходу подняв с пола рубаху и надев ее, направилась к пологу шатра и позвала негромко:

– Ута!

Служанка сразу ей не ответила, хотя должна была находиться рядом.

– Ута, собака ты глупая! Где ты?

– Да, госпожа, тут я, – отозвалась Ута. – Отходила...

– Скажи Игнатию, чтобы коней запрягал, а мне одежду неси.

– Госпожа, едем куда-то? На ночь-то? – удивлялась служанка.

– Шевелись, корова, тороплюсь я.

Глава 10

Выехали в ночь, солдаты, что стояли на карауле, карету даже попытались остановить. Перед тем как сесть на козлы, Игнатий спросил:

– Куда же ехать-то?

– Назад, в Бад-Тельц, по дороге сюда его проезжали. А оттуда на север свернем, к Ламбергу. И побыстрее езжай, нам вернуться еще потребуется.

– Госпожа, быстро ехать ну никак нельзя. Темно, хоть глаз коли. Завалимся в канаву.

– Ты уж расстарайся, Игнатий, – уговаривала его девушка, – тороплюсь я. Если все получится, так награда тебе будет.

Так и поехали, а тут еще и луна вышла, стало полегче.

Кухарку Агнес с собой брать не стала, не до обедов ей сегодня будет. Взяла только Уту. Здоровенная девица молча таращилась в темноту из окна, иногда прищептывая:

– Глаза, что ли, желтые видала в кустах, волки, что ли, не волки, не поймешь.

Но страха в голосе девицы не слышалось. Она давно уже не боялась ни людей, ни зверей, ни Бога. Боялась Ута только свою госпожу, боялась и почитала безмерно.

А госпожа ее даже и из окошка не выглядывала. Сосредоточилась, молчит, коли свет был бы, так любой увидел бы, что лицо у нее холодное, бледное, круги под глазами. Круги и бледность – это оттого, что за последний день она в стекло глядела неотрывно. А ручка ее маленькая крепко сжимала рукоять любимого ею изящного и страшного кинжала. Так же как Волков собирался до зари встать и идти на дело кровавое, точно так же на свою войну ехала и она. И точно так же не знала, вернется ли. Бабища злая, что наводила морок на господина, что мешала все время девушке смотреть в стекло, была сильна неимоверно. Она была старой, она была умелой, она была могущественной. И ехать к такой безрассудство, но коли надо для господина, так Агнес готова была ехать в ночь, ехать к сильной сестре, чтобы помериться с нею силами.

Когда господин уснул, а девушка взяла в руки шар, она сразу почувствовала, что никто ей не мешает, что баба теперь спать надумала, а пока она спит, она не видит Агнес. Девушка смотрела в шар недолго, как ни противилась баба раньше, Агнес уже высмотрела, где она живет. Видала дом ее, большой и красивый, на чистой улице в зажиточном городке у реки.

Вот и поехала, хоть знала, что до рассвета может не успеть. Проснется сестра, узнает, что к ней едут, так подготовится, людей своих соберет – и тогда конец Агнес. Но девушка готова была рискнуть. Господину сие нужно. А господин... Как отец к ней ласков... Ради него девушка готова была рисковать. Вот и не смотрела она по сторонам в темноту, как служанка. Она собиралась с силами, так как знала, что бабища сама сильна.

Ехали и ехали. Игнатий лошадей не гнал, даже когда луна вышла: боялся. И, наверное, уже за полночь доехали до Бад-Тельца. Тут хоть какие-то фонари на улицах стояли.

– Игнатий, – высунувшись из окна, скомандовала Агнес, – здесь направо, на север поворачивай. Там мост должен быть.

– Как прикажете, госпожа, – повиновался кучер, а сам думал: откуда ей про то знать, сама же в городе впервые.

Но мост там действительно был. Проехали чуть-чуть по пустынным улицам большого села, и вот уже рекой запахло. И вот уже въезд на мост. А тут уже луна на середину неба выплыла, еще светлее стало. Игнатий поехал смелее. До тех пор, пока не разглядел в темноте, что дорогу перегородили рогатки, не увидал огонек фонаря в ночи и не услышал злобный голос:

– Куда? Куда прешь? А ну, стой!

Кучер остановил лошадей. Тут он и разглядел их, шли они втроем: один с фонарем, все в доспехе; хоть и с оружием, но шурились, как со сна. Видно, оттого и злые, что разбудили их.

– Кто такой? А? Куда едешь?

– Кучер я. Госпожу везу, – отвечал Игнатий, а сам на всякий случай за голенищем сапога нож нащупал. Мало ли... И между делом поинтересовался: – А вы, господа, кто такие будете?

– Мы-то? – В голосе отвечающего послышалась гордость. – Мы – Черное отребье Эйнца Железнорукого. Слыхал про таких?

– Как же не слышать, слышал, слышал, – сказал кучер. – Только уж пропустите нас, господа, госпоже надобно на север.

– Госпоже? – не унимаются люди. – Чего это твоя госпожа по ночам ездит?

– Так ты сам у нее спроси, – отвечал кучер ехидно.

– И спрошу, – сказал тот, что с фонарем. – А ну-ка, Петер, пошли поглядим, что там у него за госпожа.

– Да, надо взглянуть, – согласился Петер, – Может, придется до утра и задержать такую госпожу.

В голосе их послышались сальные нотки, людишки эти опасны, не зря их отребьем называют. Один из них остановился рядом с кучером, в руках копье, стоит, недвусмысленно копышком поигрывает, а Петер и тот, что с фонарем, направились к карете. Мужик с фонарем мордой прямо в окно полез и светить внутрь пытается. Но разглядеть ничего не успел, а услышал лишь негромкое, голосом девичьим сказанное:

– Вон пшел. Или сердце твое сожру.

Мужик отшатнулся, едва фонарь не выронил, его словно арапником по лицу ожгло, а затем ледяным ветром отшатнуло. Он постоял, дух переводя, поглядел на Петера глазами, полными ужаса, и сказал:

– Пусть едут. – И тут же заорал первому, тому, что кучера сторожил: – Отпускай их, пусть едут.

Игнатий лишь усмехнулся, щелкнул хлыстом, залихватски и страшно свистнул, и карета покатила дальше в ночь.

– Ну, – спросил Петер того, у которого был фонарь, – и кто там был?

– Кажись, демон, – отвечал его товарищ.

Петеру и самому так казалось, хоть в карету и не заглядывал, он поежился, как от холода, и ничего больше спрашивать не стал.

Карета подъехала к городу Ламбергу, когда уже начало светать. Городишко оказался мал, но не беден, стен у него еще не было, но красивую ратушу он уже имел. На улицах было еще немного народа, Агнес теперь выглядывала в окно, пытаясь угадать, где находится нужный ей дом. Учítывая, что спрашивать она не хотела, найти увиденный в шаре красивый дом было нелегко, но она точно знала, что его отыщет.

– Направо сейчас сверни и езжай до конца проулка, а там... – Она подумала, глядя перед собой. – А там еще раз направо.

Девушка даже сама не понимала, то ли ее удивительная память, то ли женское чутье помогло, но солнце еще не встало, как она уже нашла нужный дом.

Карета остановилась там, где велела Агнес. Усталые лошади помахивали хвостами, измученный дорогой кучер слез с козел, стал поправлять упряжь, а девушка все сидела внутри, почти не шевелясь. Люди городские, что уже покинули свои дома, с интересом посматривали на нездешнюю карету. Ута, видя странное поведение госпожи, тоже замерла, едва дышала, понимая, что сейчас лучше ничем хозяйку не беспокоить. Агнес смотрела прямо перед собой и на первый взгляд была абсолютно спокойна, только костяшки пальцев на кулачке, который сжимал рукоять кинжала, висевшего у нее на поясе, побелели. Так продолжалось некоторое время, девушка просто не могла решиться, уж больно серьезное и опасное дело ей предстояло.

Но Агнес была очень умной девицей, она понимала, что высиживать неизвестно что резону нет, от этого только хуже стать может. Нужно было начинать.

Она, не произнеся ни слова, сама открыла дверь кареты, не откидывая ступенек, выпрыгнула наружу и быстро пошла к тому самому дому, который искала. Подошла к красивой и большой двери и сразу стала дергать за веревку колокольчика.

– Ну чего... Чего трезвонишь? – донесся из-за двери низкий мужской голос. – Молочник, ты, что ли?

– Я, – спокойно отвечала девушка своим голосом. – Открывай.

– Чего ты в рань-то такую... – За дверью загремели засовы и крюки.

Дверь приоткрылась... И тут же, как только образовалась щель, через которую стало видно гостью, дверь попытались захлопнуть. Агнес едва успела поставить башмачок в проем, не давая створкам сомкнуться, а на дверь навалились так, что ногу обожгло болью, и девушка прошипела в ярости:

– А ну, пес, брось... Брось, говорю, отойди. Не смей мне противиться. Отпусти дверь, иначе глаза тебе вырежу. Ну!

Говорила она это зло и особым голосом, что шел из глубин ее груди, от самого сердца. Тем голосом, заслышав который, Ута деревенела. Тем голосом, которым мало кто мог пренебрегать.

И почти сразу на дверь давить перестали, Агнес толкнула ее и вошла в красивую переднюю комнату, а там стоял здоровенный мужик. Босой, в портках и простой грязной рубаше, он смотрел на нее, как на чудо, так что аж глаза вылезли. А ноге еще было больно, и Агнес от злости едва не полоснула мужика по брюху, едва сдержалась, а лишь двумя пальцами как будто клюнула его промеж бровей, произнеся тихо:

– Спи, холоп!

И мужик, как куль, повалился на пол. Девушка подошла к двери, выглянула на улицу на всякий случай, не смотрел ли кто, и закрыла засов. Посмотрела на валяющегося на полу мужика.

Первый шаг оказался пройден. Но это был самый легкий шаг. Девушка из передней вышла в коридор. Осмотрелась, разобралась: справа кухня большая, чад, вонь, шум – там бабы копошатся. Напротив двери на замках – кладовые. Дальше людская, видно, в доме немало слуг. И тут же из одной двери вышла баба с корзиной под мышкой. Она шла прямо на Агнес, та прижалась к стене, и баба едва не задела ее корзиной с бельем. А в конце коридора лестница вверх шла. Значит, нужно туда, там господские комнаты. Девушка тенью скользнула по коридору до самой лестницы. Вот и ступеньки. Она поставила ногу на первую. Ах, как ей оказалось непросто. Волнение такое, что на груди в платье места мало осталось. Едва Агнес дышать может. Нет, ей не страшно, она даже жаждет увидеть невероятно сильную сестру, хоть парой слов с ней перекинуться, ведь что ни говори, всякому умелому человеку хочется признания от таких же умелых людей, как и он сам, а баба, что мешала ей в стекло глядеть, была очень сильна. Может, даже сильнее, чем она сама? Нет, нет, нет, о таком девушка не думала, была в себе уверена, но волнение ее охватило такое, что она сердце свое слышала.

Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой, и вот Агнес уже наверху. Все, прочь волнения, прочь дрожь в руках. Перед нею несколько дверей, но ей и гадать не нужно, она знает, за какой ее сестра-недруг. Агнес, чтобы больше не терпеть волнения, немедля толкнула дверь и вошла.

Комната оказалась хороша: комоды из полированного дерева, большие окна дают много света, длинный стол под красивой скатертью, за которым без труда усядется дюжина людей, камин, по бокам от него большие резные сундуки, зеркало от потолка до пола. А в углу у камина – она. Агнес тут подумала, что будь она на месте сестры-недруга, так встала бы к окну, чтобы вошедшему свет из окна мешал бы ее рассматривать. Но женщина стояла в углу – неужели совсем не боится незваной гостью?

Сестра была в платье черного бархата с белым кружевным воротником, платье весьма недурном, да и сама она хоть и немолода, но красива необычайно. Только вот Агнес сразу поняла, что красота эта деланая. Женщина оказалась много старше, чем выглядела. Агнес же была в своем естественном виде. Ни к чему ей красота сейчас, лишь лишний расход силы будет.

– Ну, здравствуй, сестра, – сказала ей женщина.

И тут же перед глазами девушки все поплыло. Темнота вдруг стала на нее опускаться. Морок. Дура, неужели она думает, что сможет мороком с Агнес справиться. Девушка лишь едва заметно встряхнула головой – и все разлетелось, снова стало светло. Впрочем, баба сильная. Сила чувствовалась в ее голосе. Голос у нее мягкий, воркующий, обволакивающий и завораживающий, таким голосом мужчин с ума можно сводить. Но девушка и на магию ее чарующего голоса не поддастся. Она смотрела на женщину внимательно, нового подвоха ждала, руку с рукояти кинжала не убирала.

Агнес молчала и ждала, что будет дальше, а баба продолжала ласково, словно с приятельницей говорит, а не с соперницей:

– А я знала, что ты придешь.

Врет! Врет! Врет! Агнес порадоваться хотела, но побоялась преждевременности этой радости. словно боялась птицу вспугнуть. Если бы баба ждала ее, так людей добрых полный дом собрала бы, а людей в доме не оказалось, бабы одни, прислуга. А почему врёт? Зачем ей врать? А затем, что не ждала она девушку. И не думала даже о том, что та может так внезапно нагрянуть. Что Агнес рядом, она поняла в последний момент, когда девушка уже в доме ее была, не раньше. Вот и врёт теперь, чтобы сильной казаться. Сильней, чем есть на самом деле.

Женщина ждала, что Агнес ей ответит, но дева стояла, смотрела на нее и думала, и думала, и думала. Думала о том, почему та врёт, почему к окну не встала. И вдруг поняла... Как озарение на нее нашло. Сестра как почувствовала, что Агнес в доме ее, так стала что-то прятать. Что-то ценное. Самое ценное. И что самым ценным для любой сестры быть может? Конечно, стекло! Что же еще? В этом и крылась слабость женщины: она очень боялась потерять свою ценность. Агнес опять готова была порадоваться, но вновь побоялась, что радость будет преждевременной.

И опять у нее поплыло все перед глазами, так спать захотелось, но девушка снова с легкостью развеяла это, лишь слегка взмахнув рукой с кинжалом. Нет, не так уж и сильна была сестра, как казалось поначалу.

Тут она и спросила холодно и даже строго:

– Ну и где он?

И поняла, что угадала. Бабу как ударили, да так, что она едва не потеряла свой красивый вид. Женщина сжала руки, к груди их приложила, но не ответила, лишь задышала тяжело, а девушка уже по-хозяйски пошла в комнату, приблизилась к столу. Остановилась и вдруг резко заглянула под столешницу, приподняв скатерть, сама так и не поняла зачем, но после этого спросила снова:

– Где он? Отвечай!

– Не смей, жаба, так со мной разговаривать! – сквозь зубы проговорила женщина. – Не выйдешь ты отсюда, сварю тебя да скормлю свиньям.

Но Агнес уже знала, что это пустое, пыжится сестра, раздувается, чтобы больше казаться, на самом же деле уже боится гостью. Уж в этом девушка была уверена, уж страхи людей она чувствовала лучше всех и страх этот вдыхала с удовольствием, сильнее от него становилась. Она уже знала, что победила, что страх разъест бабу быстрее, чем купорос – глаза.

Агнес так же неторопливо пошла вдоль стола. И чем дальше шла, тем беспокойнее становились руки сестры, тем сильнее от нее воняло страхом. Девушка улыбалась, она понимала, что на верном пути. И сейчас главное – не спешить, не торопиться, дожимать бабу, ломать ее не спеша.

Так она дошла до конца стола и снова спросила:

– Отвечай, где ты его прячешь? Все равно ведь найду.

Она смотрела на бабу, а та уже забыла свои попытки пугать девушку и неотрывно следила за ней. Агнес улыбалась. Она уже знала, что отнимет такое вожделенное для нее стекло.

– Говори, старая, говори, где он? Ну? Иначе резать тебя буду. Живьем резать, а это больно! – со страшной улыбкой говорила девушка. – С морды твоей напускной начну, чтобы настоящую увидеть.

Девушка глаз с нее не сводила, ждала, ждала, ждала... И увидела Агнес, как глаза бабы, зрачки ее серые, чуть дернулись. Выдала себя баба.

Дева посмотрела туда, куда косилась баба. А там у каминной стены три сундука, и лишь на одном из них, на том, что ближе всего стоял к окну, нет замка. Не успела, значит, баба его запереть. Девушка улыбнулась: не успела, а говорила, будто ждала, будто знала, что Агнес придет. Тварь лживая.

Вот теперь девушка не медлила, была быстра, сразу кинулась к сундуку. Баба заорала истошно, грубо и хрипло, как мужик, куда только голос воркующий делся, и бросилась ей наперерез.

Агнес лишь крикнула ей строго:

– Замри!

Баба была раздавлена, она уже не могла сопротивляться девушке, так и застыла: руки тянулись к Агнес, а лицо перекошено не то от страха, не то от злобы. И лопотала при этом несусаицу, словно от вина у нее язык заплетался. А девушка подошла к ней, посмотрела в глаза, удовлетворенно поднесла кинжал к лицу бабы и произнесла сквозь зубы:

– Вот так и стой, не шевелись даже... Ишь ты, кобыла ретивая...

Она, стараясь не спускать глаз с женщины, наклонилась к сундуку, откинула крышку. Тут баба застонала, словно от боли.

– Тихо, я сказала, – прошипела девушка и наконец заглянула в сундук.

Заглянула и растерялась на мгновение. Нет, там лежал не шар. Там на дне, свернувшись калачиком, прятался мальчик.

Агнес взглянула на бабу.

– Даже не думай шевелиться! Иначе... – Она показала ей кинжал и после наклонилась, схватила мальчишку за шиворот, стала его из сундука вытаскивать. – Вылазь, вылазь, крысеныш.

Мальчик захныкал, что Агнес очень не понравилось, она поднесла кинжал к его лицу и сказала:

– Даже не думай рыдать. Я того не выношу. Зарыдаешь – я тебя распотрошу. Понял?

Хоть и стояли у мальчишки в глазах слезы, но голос девушки был столь убедительным, что он только кивнул в ответ да носом шмыгнул.

Он был пригож, лет семи-восьми, причесан ладно, в хорошей одежде. У девушки не оставалось сомнений, что это сынок бабищи. Вот из-за чего баба не смогла ей сопротивляться, вот отчего была слаба. Она стала бояться Агнес, как только та переступила порог ее дома. И страх ее разъел, парализовал.

Как все удачно сложилось. Агнес размышляла, поглядывая то на мальчишку, то на бабу. А думать она умела быстро. Сюда ехала она, полагала, что придется сразиться с бабой. Если получится победить – забрать у нее стекло, а саму ее убить, чтобы не мешала господину. А уже Железнурукого они с господином вместе как-нибудь одолеют. Но теперь все переменялось. Теперь все могло еще лучше стать.

Она так и держала мальчишку за шиворот и, не отпуская его, сказала бабе:

– Давай стекло.

– Не убивай его, – прохрипела баба, бледнея до цвета полотна.

– Давай стекло, тогда не убью.

Женщина сразу кинулась к камину, там на верхней полке стоял ларец красивый, она схватила его, поднесла Агнес, раскрыла перед ней. Девушка сначала удивилась: шар был маленький, вернее, меньше, чем у господина, и был он бело-желтого цвета, как самые жирные сливки, совершенно непрозрачный. Но у девушки не возникло и тени сомнений, что сие вещь истинная, а не те подделки, что присылали детоубийце всякие его знакомые.

– Не убивай его, – все так же прохрипела баба, протягивая ей ларец.

– Ладно, – сказала Агнес, забирая ларец и смеясь. – Я даже тебя не убью. Но встань на колени передо мной.

Бабу уговаривать не пришлось, она сразу рухнула перед девушкой на колени.

– А ну-ка, покажи мне свое настоящее рыло, сестра, – потребовала Агнес.

Женщина сразу стала меняться. Теперь она уже не была прекрасна. Лицо изможденное, лицо женщины, что давно уже немолода. Девушка склонилась ближе.

– Вот ты какая, а муж-то твой тебя настоящую видел?

И не успела баба ответить, как Агнес полоснула ее по лицу кинжалом, от виска к носу, через глаз. Ударила с силой, чтобы наверняка располосовать глаз.

Баба хрипло вскрикнула, а потом стала противно завывать, схватилась за глаз руками, кровь полилась на ее платье, на паркет.

– Мой глаз, мой глаз!.. – выла баба.

Агнес ее завывания показались забавными.

– Это тебе на память обо мне, – смеясь, сказала девушка.

Она вытерла кинжал о скатерть, затем спрятала его в ножны, под мышку взяла ларец со стеклом, прежде еще раз убедившись, что оно там, а потом и мальчишку схватила за шиворот и поволокла его к выходу.

– Не убивай его, не убивай, молю... – кричала ей вслед баба, но Агнес уже спускалась по лестнице.

Если бы ей потребовалось, она бы убила его не задумываясь, но мальчик был нужен ей живым. У нее появился план.

Глава 11

– Шевелись, крысеныш, – шипела девушка, подталкивая его к карете, – быстрее иди, не то сварю тебя и сожру. Или свиньям скормлю.

А уже солнце встало, кругом горожане по делам своим шли-ехали, когда Агнес толчками и пинками гнала мальчишку по улице. Все, проходившие мимо, смотрели на них удивленно, но никто не вмешивается.

Так они добежали до кареты, Ута увидела госпожу издалека, вышла из кареты, дверь открыла заранее. Как Агнес подвела мальчика, так служанка его, как куль, схватила и закинула внутрь.

– Гони что есть мочи, Игнатий! – крикнула девушка, прежде чем запрыгнуть в карету. – До полудня мне у господина надо быть!

– До полудня? – удивился кучер. – Коней запалим, госпожа.

– Черт с ними, гони! – велела Агнес, усаживаясь на подушки.

Карета, распугивая людей и всякую мелкую живность, полетела по улицам Ламберга прочь из города, к мосту, на юг.

Агнес смотрела на мальчика, понимая, что ей достался редкий трофей.

– Ну и как тебя звать? – спросила она.

– Георг Эйнц Фердинанд фон Эрлихенген, госпожа, – тихо отвечал мальчишка.

Девушка и раньше так думала, а теперь у нее не было сомнения, что это сын ведьмы и Железнорукого. Агнес даже забыла про шар, который лежал в шкатулке рядом с ней на диване. Она думала, как лучше поступить с мальчишкой.

Напрашивалась мысль взять его с собой в лагерь. Но как тогда поступит Железнорукий? Неизвестно. Он не баба, он рыцарь. Может, поставит на мальчишке крест и еще больше ожесточится? А может, согласится уступить. Да нет, если он истинный рыцарь, то из-за сына дело свое не сдаст. Нет, тут гадать нельзя, нужно придумать такое, что сулило бы господину верную победу. Нужно было сделать так, чтобы Железнорукий не потерял надежду отыскать ребенка и затеял его поиски, чтобы бросил свою армию. А уж господин что-нибудь да придумает, когда у ведьмы уже не будет ее стекла, а у армии мужиков не станет предводителя.

– А что, Георг Эйнц Фердинанд фон Эрлихенген, – задумчиво спрашивала мальчика девушка, – любит ли тебя твой отец?

– Да, госпожа, мой батюшка меня любит, зовет меня светом очей своих, – отвечал мальчишка.

Агнес понимающе кивала. Она так и знала.

А карета с великолепной четверкой лошадей тем временем летела птицей, распугивая с дороги телеги местных мужичков и купчишек. Лишь пыль за ней клубилась.

И девушка придумала... Убивать мальчишку нельзя, с собой брать в лагерь... может тоже плохо получится. Так надо его спрятать. Ведьма сердцем материнским будет его чувствовать, в этом у девушки сомнения не было, баба будет знать, что мальчик жив и что он не у врагов, и тогда заставит отца его искать. Криками, уговорами, мольбами, угрозами, как бабы умеют, но заставит. А может, его и принуждать не придется. Может, Железнорукий так мальчишку любит, что сам на поиски кинется.

Агнес стала пристально разглядывать ребенка. Мальчик чистенький, холеный: кружевной воротничок белоснежен, чулочки свежи, – сразу видно, что родителями любим да обласкан. Теперь сомнений у нее не было: отец за дело сам возьмется, сам будет искать. Бросит своих мужиков. Хоть на время, но бросит. А это ей и ее господину и нужно. От ее взгляда мальчик стал ежиться, прятать голову в плечи. И лишь тогда она от него отвернулась, чтобы взглянуть

в окно. Они уже далеко отъехали от города, Агнес присмотрелась: нет ли кого посланного следом? Рано утром еще были телеги, а сейчас никого. Дорога не оживленная, или время еще не то.

– Игнатий! – закричала девушка, глядя вперед. – А что это там?

– Мост через овраг, госпожа, – отвечал ей кучер, – ночью его проезжали.

Агнес завертела головой, посмотрела вперед, посмотрела назад – никого. Что ж, это место ей может подойти.

– Игнатий, у моста останови.

– Да, госпожа.

Кучер рад остановиться. Лошади уже плохи, им хоть чуть-чуть постоять бы, дух перевести. Он остановил карету у самого моста.

Агнес сама, не дожидаясь, пока это сделает дура-служанка, отворила дверцу, выпрыгнула и сказала мальчику:

– А ну, сюда иди.

Мальчишка не пошел, видно, почувствовал что-то, испугался, его лицо искривилось, вот-вот он зарыдает. Тут уже у Уты ума хватило, она с силой выпихнула ребенка, и он буквально вылетел из кареты и упал на землю. Ушибся и тихо захныкал, а Агнес схватила его за шиворот, подняла и поволокла к мосту.

– Госпожа, вы меня убить думаете? – зарыдал мальчик.

– Глупец, хотела бы убить, чего тебя сюда тащила бы? – произнесла она с раздражением. – Не скули, крысеныш, не убью.

Она быстро подошла к мосту и стащила мальчишку вниз, под мост.

Место тихое, укромное: ручей мелкий, берег весь репьем и лопухами зарос. Да, хорошее место. Девушка толкнула ребенка на землю, он упал. Не жалея дорогого платья, она встала рядом с ним на колени.

– Вербки у меня нет, так что уж не взыщи.

Агнес схватила мальчишку за каблук дорогой туфли, подтянула к себе его ногу и, выхватив кинжал, разрежала дорогой чулок чуть выше пятки вместе с сухожилиями мальчика. Ребенок закричал пронзительно и резко, так что девушка сначала поморщилась, а потом разозлилась. Она поднесла кинжал к его лицу, к верхней губе, едва сдерживая себя, чтобы не распороть мальчишке губу, и прошипела:

– Не смей скулить, крысеныш, не то я тебе вырежу еще и язык. Слышишь меня?

Мальчик, едва сдерживаясь, кивнул, ему очень больно, но он молчит. Он очень боится ее, боится, что госпожа ему и вправду вырежет язык, а Агнес схватила его вторую ногу и так же быстро разрежала сухожилия над пяткой.

– Все-все, – сказала она примирительно, – больше не стану тебя истязать. Это чтобы ты не сбежал отсюда. Сиди и жди, когда за тобой отец твой придет. И не вздумай кричать. Я буду рядом, услышу хоть один твой крысиный писк – приду и вырежу тебе язык, а заодно и глаза. – Для остротки и доходчивости она слегка кольнула его в щеку кинжалом. – Понял?

Глаза мальчика наполнились слезами, ему было так страшно, что он губ не разжал, кивнул только в ответ.

Агнес встала и, быстро пробравшись сквозь лопухи, вышла из-под моста и поднялась к карете.

– Игнатий, гони! – велела девушка.

Ута протянула госпоже свою большую сильную руку и буквально затащила в карету.

Карета сразу тронулась. Служанка не задала вопрос, отчего руки у Агнес оказались все липкие от крови, чему тут удивляться. Она не спросила и о том, что случилось с мальчиком, почему рукоять кинжала вся в крови. В крови? Ну, значит, госпоже так было нужно. Служанка лишь достала из дорожного кофра полотенце и бутыл с водой; смочив полотенце, принялась нежно и старательно оттирать руки хозяйки от липкой крови. Агнес милостиво позволяла ей

это делать. Сама же посмотрела на свое платье и увидела, что ее прекрасное платье все в черных каплях: и лиф, и рукава, и особенно подол.

Девушке стало очень жаль платье. Впрочем, она не жаловалась: если для дела господина надобно будет, она готова пожертвовать всеми своими нарядами. Сейчас она лишь желала побыстрее попасть в его шатер, чтобы рассказать, что делать дальше. Но размышлять о том, что нужно сказать господину, девушка долго не смогла, дорога, усталость, переживания и напряжение укачали ее, она задремала и повалилась набок на подушки.

Проснувшись она, когда вдруг сквозь сон поняла, что карета уже не летит, а едет потихоньку. Агнес выглянула из окна. Так и есть, кони едва-едва шли легкой рысцой.

– Игнатий! – зло крикнула она. – Отчего не спешишь? Чего так плетешься?

– Все, госпожа, – повернулся к ней кучер, – спалили лошадок. Если быстрее их погнать, так падать начнут. – Он говорил с сожалением. – И то долго они продержались. Думал, раньше запалются. А мы, как ни крути, Бад-Тельц проехали, уже к лагерю свернули.

– Так доедут они до лагеря? – Девушка была уже согласна на то, чтобы хоть так ехать.

– Да кто ж знает, – отвечал Игнатий.

Агнес откинулась на спинку дивана. Вот еще о лошадях волноваться, хотела до полудня в лагере быть, так теперь хорошо бы вообще доехать.

В лагере кони уже едва ноги переставляли, еле шли, Игнатий их даже не понукал, а потом и вовсе встали, увидав других лошадей. Агнес взяла ларец с магическим шаром и вышла из кареты. Есть ей хотелось невероятно, спать хотелось, мыться хотелось, но что поделать. Ута тащила за госпожой дорожный кофр, бубня что-то про то, что сейчас найдет горбунью и спросит у нее про обед. Дура, сама жрать хотела, вот и проявляла заботу о хозяйке. Агнес разозлилась бы, но она действительно устала. Лечь бы. Но прежде этого ей обязательно нужно поговорить с господином. А его в лагере, судя по всему, не было. Зато навстречу девушке проехала телега, полная раненых, и еще многие раненые шли ей навстречу. Кто руку окровавленную держал, кто за лицо окровавленное схватился. Какого-то человека с разбитой в кровь головой товарищи, что раны получили менее тяжкие, вели, поддерживая. Дело у реки, кажется, в самом разгаре. Агнес испугалась, когда где-то неподалеку оглушительно бахнуло. Это было так же звонко, как гром, слышавшийся совсем рядом.

– Ох, что это? – оstonбелена Ута. Она даже осмелилась схватить госпожу за плечо. – Госпожа моя, что это?

Но люди, сновавшие по лагерю, звука совсем не испугались, даже лошади вели себя смирно. Агнес скинула руку служанки с плеча и сказала:

– Успокойся, корова ты глупая.

В пяти шагах от нее пробежал брат Ипполит. Поверх сутаны кожаный фартук, весь заскорузлый от засохшей крови. Девушку не заметил, не поздоровался. Лицо у него было строгое, весь в себе. По сторонам некогда, видно, смотреть.

У шатра дежурили хмурые охранники, но Агнес пропустили безропотно. Она, еле живая от усталости, села на край кровати, и Ута стянула с госпожи башмачки, чулки, замызганное платье.

– Ох, все попорчено, – говорила служанка. – Попробую мыть мылом дома, может, пятна сойдут.

Агнес знала, что не сойдут. Платье испорчено навек. Но разговаривать с глупой у нее не осталось сил.

– Я вам сейчас еду принесу. Зельда должна была что-нибудь сделать.

Служанка ушла, а девушка залезла на постель повыше и поставила перед собой ларец со стеклом. Сил не было ни на что, но на это у нее силы нашлись. Шар нежно-желтый лежал в ларце на красном бархате – это было очень красиво. Он так и манил, так и кричал: возьми

меня в руки. Агнес взяла, а он теплый и не такой тяжелый, как шар господина. Она хотела заглянуть в него, прежде чем от усталости у нее закроются глаза, потому побыстрее стянула с себя последнюю одежду, нижнюю рубаху, – так лучше, будучи в одежде, ничего не разглядеть – и лишь после этого посмотрела в стекло.

Глава 12

Открыв глаза, она вздрогнула. Испугалась. В шатре горела всего одна лампа, а через верхний проем света много внутрь не проникало. Как не испугаться, когда в полумраке над тобой стоит огромный черный человек. Лица его почти не видно, оно серое. Вот спросонья девушке присматриваться пришлось, чтобы разглядеть его, а когда поняла, что это господин, так не слишком и успокоилась. А он взял ее за горло и одним движением, словно котенка, поднял девушку с постели так, что она пальцами ног едва ковра касалась, и спросил у нее:

– Кажется, ты мне говорила, что с этой войны я приеду с серебром и славой? Ты?

И в голосе его такая злоба слышалась, что у Агнес мороз по коже прошел. Злоба холодная, ледяная, смертью пахнувшая. Она хотела ответить, чтобы все объяснить. Она и рада бы, да как тут слово произнести, если тебя за горло держат крепче, чем веревка висельника. Девушка только руками в его руку вцепилась, чтобы хоть чуть легче было, да глаза таращила. А главное, понимала, что решит он ее прямо здесь задушить или шею сломать, то никто его не остановит, ничего ей не поможет, даже все ее силы, перед которыми иные сразу склоняются. А он тут ее и отпустил.

Отошел от нее, взял кувшин с вином с сервированного к обеду стола с остывшими кушаньями и стал пить прямо из кувшина. Агнес вскочила, нашла свою рубаху, надела ее быстро.

– Ну, что скажешь? – холодно спросил у нее господин, отрываясь от кувшина.

Он ждал, что она ему про обещания свои что-то ответит, но Агнес была умной девушкой и знала, что говорить.

– Нашла я ведьму, – сразу сообщила она, – ту, что на вас насылала мороки.

– Тридцать моих людей остались на том берегу, – проговорил кавалер, устало садясь на раскладной стул. – Я не мог вынести их тела оттуда, так как мне нужно было все время переправлять через брод в лагерь раненых. До мертвых руки и не доходили. Мне разбили забрало на шлеме, я потерял перчатку. – Он показал девушке как доказательство правую латную перчатку. – У Рохи за день разорвало два мушкета, еще два пошли трещинами. Пороха у меня осталось на еще один такой бой... – Он помолчал. – Но ты нашла ведьму, что насылала на меня мороки. Что ж, день, можно сказать, был неплох.

– Господин... – начала она.

Но он остановил девушку жестом. Прислушался. За пределами шатра говорили. Волков тяжело встал, пошел к выходу, хромая сильнее, чем прежде. Там его ждал вестовой.

– Господин полковник, господин генерал отъезжает в Бад-Тельц к маршалу, просит всех командиров полков быть к нему немедленно.

Волков угрюмо посмотрел на вестового, ему очень хотелось сказать ему: «Передай генералу, чтобы катился к черту». Но вместо этого он произнес:

– Скажи генералу, что у меня сейчас лекарь. Как мне полегчает, так я приду.

Волков ни слышать его не хотел, ни видеть. Кавалер дважды за день посылал к генералу людей, прося у него ландскнехтов, дважды ему казалось, что если сейчас придут ему в помощь шесть сотен свежих людей, то он отодвинет мужиков от берега и даст возможность кавалерии выйти в поле и развернуться. Но фон Беренштайн дважды ему отказывал, дескать, ландскнехты – его последний резерв. Люди Волкова смотрели на него вопрошающе: где помощь? Они тоже понимали, видели, что хамы на пределе, что еще чуть-чуть, и их можно будет дожать, но генералу на той стороне реки было виднее.

– Так и передам, – пообещал вестовой и ушел.

А Волков вернулся в шатер. Агнес, при помощи Уты, уже надела чистое платье и кое-как пригладила волосы. А он снова уселся в свое кресло и спросил у нее:

– Так, значит, ты нашла ту ведьму, что морочила меня и моих людей?

– Да, мой господин, – отвечала девушка, – а еще она знала о каждом вашем шаге и мужу своему Железномуруку о том говорила, а теперь она ничего знать не будет. Ничего.

Тут пришел денщик Гюнтер, принес таз с водой и полотенце, чтобы господин мог хоть руки помыть. А тот с раздражением и спрашивает:

– Где мой оруженосец? Кто снимет с меня доспех?

– Сейчас я его отыщу, – пообещал Гюнтер и быстро вышел.

А Волков взял мыло, принялся мыть в тазу руки, умываться, а сам спрашивал у девушки:

– Значит, она раньше знала о каждом моем шаге, а теперь знать не будет? И почему же ты так думаешь?

Агнес могла бы открыть ларец, что стоял у кровати, и показать свой трофей, но зачем кавалеру знать о том, что у нее теперь тоже есть стекло? Нет, ему о том знать не нужно.

– Я не думаю, я знаю, – твердо отвечала Агнес. – А еще я знаю, что Железномурукого сейчас тут нет, уехал он своего сына искать.

Волков даже умываться перестал. Уставился на нее молча, просто смотрел, и Агнес продолжала:

– Уехал он, вам говорю. А без него людишки его не опаснее баранов.

Волков и теперь молчал.

– Времени не теряйте, – дальше сказала она. – Берите своих людей и идите на тот берег. Там...

– Дура! – заорал господин, прерывая ее. – Молчи! Что ты себе напридумывала куриными своими мозгами? «Берите своих людей...» Они тебе что, хворост? Уже лучше полковника знаешь, что нужно делать, советы свои бабьи даешь! «Берите людей...» – Он немного успокоился. – Как мне их взять, они на ногах еле от усталости стоят, они сегодня потеряли многих своих товарищей. Они озлоблены. И злятся на меня, потому как злиться больше им не на кого.

Он стал вытирать лицо и руки, думая, что разговор закончен, но девушка так не считала, мало того, она принялась говорить без почтения, словно с равным, говорить, выговаривая каждое слово, как сквозь зубы:

– Коли послушаете меня, так вернетесь в Ланн с серебром и со славою. Нет сейчас при мужиках их господина. Уехал он сына своего искать, которого я у него забрала и спрятала. Я-то в стекле видела, что рыщет он по полям в поисках. А завтра, может, он уже и вернется. И пока его нет, идите на людей его, побегут они, побегут, так как без него и его ведьмы никчемны.

Волков уже не злился, для злости силы нужны, а у него их уже не осталось. Трижды за день ему приходилось вставать к своим людям в первый ряд, чтобы их не смяли, да и все другое время он был впереди. Это чудо великое, что опять не получил ни одной царапины.

– Глупая ты, как мне людей своих взять и пойти без спроса, если в лагере есть генерал? Я здесь не главный. Он мне не позволит начать атаку, даже если я уговорю своих людей и они пойдут за мной.

– Уж то я не знаю. Идите к генералу, скажите ему...

– Что сказать? – перебил ее кавалер. – Сказать, что мне одна моя родственница сообщила, что похитила сына Эйнца фон Эрлихенгена и что отец его теперь ищет, это она в колдовском шаре видела, и теперь говорит, чтобы мы второй раз за сегодняшний день шли на тот берег, пока Железномурукий к своим мужикам не вернулся?

Агнес посмотрела на него зло.

– Да уж сами придумайте, что сказать своему генералу.

Волков молчал, он хотел есть, ему сейчас не до всей этой болтовни.

А у входа в шатер вдруг голос командира стражи прозвучал:

– Господин полковник, к вам господин капитан Роха.

Они с Агнес переглянулись, и Волков крикнул:

– Пусть входит!

Роха ввалился в шатер, прыгая на своей деревяшке.

– Мое почтение, госпожа! – Он стянул свою драную грязную шляпу и поклонился по возможности низко, что в его случае было наивысшей степенью вежливости.

– Благослови вас Бог, господин Роха, – отвечала Агнес, делая книксен.

Не дожидаясь приглашения, капитан свалился на стул, что был свободен, чуть не сломав изящную мебель. Был Роха черен от порохового дыма, еще чернее, чем Волков.

– Еще у двух мушкетов по стволам трещины, стрелять из них больше нельзя, – сразу заговорил капитан стрелков. Грязной рукой он стал отламывать кусок хлеба из обеда полковника. – Немудрено, ребята сделали больше двадцати выстрелов каждый.

– А аркебузы?

– Всего одна потрескалась, – отвечал Роха. – С ними все в порядке. Там пороха мало, пуля мелкая, с мушкетом не сравнить.

Волков устал, он хотел помыться и поесть, Роха сейчас был некстати.

– Что ты хотел?

– Думал узнать у тебя, что происходит, – сказал капитан стрелков.

– А что происходит? – не понял Волков.

– Палатку генерала сворачивают, он уезжает. Я думал у тебя спросить: мы что, тоже поднимаемся?

– Как сворачивают? – не понял полковник. – Меня только что звали на совет к нему.

– Да, но совет уже прошел, офицеры разошлись, а генерал приказал свернуть свою палатку.

– Что? – Волков явно был удивлен.

– Он уезжает, – сказал Роха. – Вот я и пришел узнать, что нам-то делать. Тоже собираться или отпустить ребят отдыхать?

А тут снова за пологом шатра голоса, снова Волкова спрашивает вестовой.

– Впустите его! – закричал кавалер.

Тот же вестовой, что был у него недавно, теперь принес письмо:

– Господин генерал прислал вам письмо.

Он передал полковнику письмо и остался ждать ответа. А письмо оказалось весьма короткое, это был приказ, и он гласил:

«Волею Провидения я вынужден покинуть вверенные мне войска по тяжкому недугу. Приказываю коменданту лагеря: полковник Фолькоф, завтра на заре прошу вас снять лагерь и со всеми людьми выступить в Бад-Тельц в распоряжение маршала фон Бока. Прошу вас исключить возможность потери обоза.

Число. Месяц. Генерал фон Беренштайн».

Все, больше в письме ничего не было.

– Ну что там? – спросил Роха.

Волков молча бросил на стол письмо: читай сам. Отпустил вестового и задумался. При этом стал коситься на скромно сидевшую на краю кровати Агнес.

Тут появились Гюнтер и Курт Фейлинг.

– Господин полковник, – заговорил оруженосец, – дозволите снять с вас доспехи?

Волков опять покосился на девушку, стал барабанить в задумчивости пальцами по наручу, потом взял письмо, встал и сказал:

– Пока доспех снимать не нужно. – И направился к выходу.

– Фолькоф, дьявол, что ты опять задумал? – закричал ему Роха.

Кавалер остановился у выхода и посоветовал многообещающе:

– Поешь как следует, капитан. Поешь как следует.

Вышел, а навстречу Максимилиан с мокрым знаменем. Видно, знаменосец стирал полотнище после тяжелого боя.

- Господин полковник, что, завтра сворачиваемся?
- Не знаю, – отвечал Волков задумчиво. – Пока не решил.
- Не уезжаем, а генерал уже уехал, – удивился знаменосец.
- Вы видели?
- Своими глазами. И вся свита его с ним.
- Тогда найдите мне капитана Кленка.
- Хорошо, а зачем вам этот ландскнехт?

Кавалер остановился и с усмешкой ответил:

- Для знаменосца вы задаете слишком много вопросов.

Максимилиан молча поклонился и ушел. А Волков отправился искать капитана фон Реддернауфа. Как и положено капитану кавалерии, он и несколько его офицеров, в том числе и Гренер, были у загона с лошадьми. Волков кивнул своим офицерам, и те ему поклонились.

Он отвел капитана в сторону.

– Наверное, полковник, вы по поводу разъездов, я уже сказал офицерам, что мы выйдем до рассвета и проверим всю дорогу до Бад-Тельца, чтобы вы могли провести обоз, – сразу предвосхитил разговор капитан.

Но Волков спросил у него совсем о другом:

- Лошади у вас свежи?
- Лошади? – Фон Реддернауф удивился. – Лошади свежи, мы весь день так и простояли на берегу. Генерал так и не отдал приказа о переправе.

Волков чуть помолчал, подумал и наконец произнес:

- Возможно, я вам отдам такой приказ сегодня.
- Вы? – У кавалериста округлились глаза.

Волков молча сунул ему письмо от генерала.

– Здесь написано, что я комендант лагеря, а значит, в отсутствие генерала я старший офицер.

- Да, но... – Капитан заглядывал в приказ, но все еще сомневался.

Волков знал, что делать в тот момент, когда воинские люди так колеблются. Их ни в коем случае нельзя уговаривать. Он выхватил письмо из пальцев капитана и сказал голосом твердым:

– Капитан фон Реддернауф, приказываю вам лошадей покормить, напоить, оседлать и ждать моих дальнейших распоряжений.

- Как вам будет угодно, господин полковник, – отвечал все еще удивленный кавалерист.
- И прошу вас пока никому о нашем разговоре ни слова, решение еще не окончательное.
- Как вам будет угодно, господин полковник, – повторил фон Реддернауф.

Волков пошел по лагерю дальше. Этот разговор с кавалеристом еще ничего не значил, ничего. Полковник еще и сам был не уверен, что дело сложится. Он даже еще сам не понимал, хочет ли такого рискованного дела. Он сам сомневался. Вопрос этот был весьма нешуточный. Подсудный вопрос. Да, по сути его оставили старшим офицером, но ему оставили и четкий приказ: вывести войско и обоз в Бад-Тельц. Ни о чем другом в приказе писано не было.

И тут Волкову навстречу Максимилиан и капитан ландскнехтов Кленк.

На капитане ландскнехтов, как в их корпорации и положено, был огромный берет, весь в перьях. Камзол с широченными резаными рукавами, оранжевые с черным рейтузы по колено, яркие синие чулки. У него к тому же были усы – отличные, ухоженные, видно, ландскнехт ими очень дорожил.

Не снимая берета, он едва заметно поклонился Волкову.

- Вы меня искали, полковник?

– Да, – сразу ответил Волков. Он не собирался ходить вокруг да около; как и положено солдату, заговорил о деле сразу: – Я собираюсь сходить на тот берег еще раз и хочу, чтобы вы пошли со мной.

– На тот берег? – Кленк заулыбался и сразу ответил: – Славы ищите, полковник, или желаете утереть нос генералу? Я слышал, что у вас с ним были раздоры.

– Это здесь ни при чем, – отрезал Волков.

– Ни при чем? Как вам будет угодно, – продолжал капитан. – Но на ваше предложение я отвечу так: к дьяволу, генерал на совете сказал, что завтра мы снимаем лагерь и выступаем в Бад-Тельц. Ничего ни про какие атаки он не говорил. Я не буду ломать своих людей по вашей прихоти.

Это был человек уверенный в себе и весьма независимый. И никто не заставил бы его что-то делать против его воли. Но он был ландскнехтом, и все знали, что к этим храбрым и независимым людям всегда имеется ключик.

– Каждому вашему человеку по талеру, вам сотня. Всего за одну атаку, – сказал Волков, думая, что сейчас Кленк будет торговаться.

Кленк размышлял не более мгновения.

– У меня пять ротмистров, каждому по двадцать монет и по пять монет моим сержантам.

Волков кивнул в ответ, он был согласен и мысленно уже попрощался с девятью сотнями талеров. Но раз уж этот капитан вытряс с него столько денег, то должен пойти по более тяжкому пути.

– Вы пойдете с восточного брода. Я пойду с ближнего.

– С восточного? Ну, значит, с восточного. – Ландскнехту, кажется, было все равно.

– Я сейчас соберу совет, вы там меня должны поддержать.

– Поддержу.

– Но это вопрос нерешенный, пока о деле никому не говорите.

– Хорошо, – отвечал капитан ландскнехтов, – но все равно пойду скажу ребятам, чтобы пока не напивались.

Максимилиан с вытаращенными глазами слушал весь их разговор и, когда Кленк ушел, осмелился спросить:

– Так мы снова идем на тот берег?

– Много вопросов для знаменосца, – отвечал ему кавалер с улыбкой. – Вместо того чтобы спрашивать, найдите мне Рене, Хайнквиста и Фильсбибурга, Пруффа. Пусть идут к моему шатру. И приведите в порядок мое знамя.

– Да, полковник, – ответил знаменосец и ушел.

А Волков заглянул в свой шатер и, не обращая внимания на Роху, что так и сидел за столом и все еще ел, сразу взял Агнес под локоть и вывел ее. Девушка косилась на господина с опаской, но ничего не говорила, пока он заводил ее за шатер, туда, где для нее была сколочена купальня и уборная. Кавалер отвел девушку от чужих глаз подальше и спросил:

– Пока не начал я, пока не повел людей и пока не пролилась кровь, говори, ты уверена, что Железнукокого нет при людях его?

– Уверена, – твердо сказала девушка, хотя плечами повела едва заметно от мурашек, что побежали по ее спине.

– Смотри. – Волков погрозил ей пальцем, перед самым ее носом помахал. – Я должен победить, мне придется кучу денег людям раздать, чтобы дело вышло. Не выйдет, – он кивнул на северную стену лагеря, за которой был спуск к реке, – я тебя утоплю.

– Идите уже, идите драться, – храбро сказала Агнес, хоть самой и было страшно, она знала, что господин не тот человек, что бросает слова на ветер. И добавила: – А если мужиков побьете, так мне денег на новых коней дадите, кучер мой говорит, что моим конец пришел. На хороших коней, чтобы не хуже моих были, я для вас дело делала, когда их запалила.

Волков ничего не ответил, посмотрел на нее пристально и двинулся прочь. Но по его взгляду дева поняла, что, если он победит, новые кони у нее будут.

– И платье еще! – закричала ему вслед девушка, вспомнив об испачканном кровью мальчишки хорошем платье.

Глава 13

– Так ты скажешь, что ты снова задумал? – спрашивал Роха, когда кавалер вернулся в шатер. Старый приятель так и сидел за столом, правда, уже ничего не ел, так как ополовинил все блюда, что причитались полковнику.

Если до разговора с Агнес Волков еще не был уверен ни в чем, то теперь уже принял решение.

– Думаю идти на тот берег и разбить мужиков, – твердо сказал он.

– Когда ты скажешь об этом солдатам, они поднимут тебя на копья, – заметил Скарафаджо.

– А зачем мне тогда стрелки и их капитан? Неужто ты меня не защитишь?

Роха потряс головой: что ж делать, конечно, мне придется.

– А как я уговорю своих стрелков? Они тоже устали и злы после сегодняшнего.

Волков уселся на стул и стал быстро есть то, что осталось в тарелках, и учил старого товарища:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.